

Эльвира Барякина

Женщина с БОЛЬШОЙ БУКВЫ *Ж

Дневник
русского
литагента
в Голливуде

18+

часть 1

Т. Мардж

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

Эльвира Барякина

Женщина с большой буквы "Ж"

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Барякина Э. В.

Женщина с большой буквы "Ж" / Э. В. Барякина — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Когда-то Мардж Тенш была простой советской девушкой, но после эмиграции в США ее жизнь круто изменилась: Мардж открыла литературное агентство в Голливуде, завела глухого мопса Ронского-Понского и сменила нескольких неподходящих мужей. Дневники агента Мардж — это череда уморительных баек о поисках любви: к себе, к жизни и к кому-нибудь неглупому и смешливому. Содержит нецензурную брань.

Содержание

1. Дневник	6
2. Про смысл жизни	7
3. Про моего любимого кинорежиссёра	9
4. Про детство	10
5. Как я была доброй феей	11
6. Как я снималась в кино	12
7. Про женскую грудь и цензуру	14
8. Про моего гениального племянника	15
9. Про мою собаку	16
10. Про мою подругу	17
11. Про мужа любимой подруги	18
12. Мой день	19
13. Про Ленина и партию	21
14. Про мою невероятную одарённость	22
15. Про родителей	23
16. Про мои мечты	25
17. Про мои детские травмы	26
18. Про мою домработницу	28
19. Как мы развлекаемся	29
20. Мой племянник решил стать воякой	30
21. Про мой возраст	31
22. Моя первая любовь	32
23. Про пионерлагерь	34
24. Про моих виртуальных друзей	38
25. Про мою конкурентку	39
26. Мой день рождения	41
27. Моя первая работа	42
28. Женщина с большой буквы «Ж»	44
29. Мой первый настоящий роман	45
30. Мои реинкарнации	47
31. Мой первый муж	48
32. Мёртвые души	50
33. Моя первая настоящая работа	51
34. Как я приехала в Америку	53
35. Про бабу Капу	55
36. Про маму	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Эльвира Барякина
Женщина с большой Буквы «Ж»
Серия «Агент Мардж»
Книга 1

Счастье – это когда есть кого любить, что делать и на что надеяться.

Китайская поговорка

© Эльвира Барякина, 2006–2017

1. Дневник

Я уже пыталась заводить дневник. Во втором классе учительница велела нам следить за природой и отмечать наиболее интересные явления. Первая запись в моем дневнике гласила: «Бабушка боится мышей». Вторая: «Живая мышь – 1 руб. 30 коп. Дохлая – 2 руб.»

В честь поступления в университет мама подарила мне адресную книжку небывалой красоты: атласная бумага, кожаный переплёт. Похабить её телефонами ЖЭКа у меня рука не поднималась, и я начала записывать туда мысли.

На букву «А»: «А на меня Извольский смотрит!»

На букву «Б»: «Баранова – дура».

На букву «В»: «Верность – вот чем я его замучаю!»

Летопись обрывалась на странице с буквой «Ж». Понятно, что на ней было написано.

В течение последующих двадцати лет я писала всё что угодно, кроме дневника: романы, уставы и заявления в ЗАГС. Вчера мой психоаналитик Арни сказал, что без дневника мне больше нельзя.

– Записывай всё, что тебя волнует. Спроси себя: кто ты?

Кто я? Я человек необычной биографии и необычных страданий.

Меня зовут Мардж Тенш. Когда-то была Маргаритой Теньшовой, но со временем часть имени отвалилась.

Живу в Северном Голливуде, самом паршивом городе на свете.

У меня отвратительная работа: я литературный агент.

У меня дурацкое хобби: я пишу книги.

У меня толстая попа.

У меня нет мужа, детей и полезных привычек. Зато у меня есть место на кладбище.

Мы с Мелисской ездили туда на прошлой неделе. Посидели на могилках, поскорбели.

– Лучше всего хорониться в Италии, – сказала Мелисса. – Там что ни склеп, так дворец. А у нас на кладбищах только коз пасти.

Она ворчала, потому что ей досталось место под забором.

– Зато у меня будет самая интересная табличка. Ко мне даже экскурсии станут водить! Знаешь, что я напишу?

– Что?

– «Омолаживающая могила доктора хиромантических наук мадам Мелиссы Тёрнер. Исцеление от бородавок и женского недомогания».

А я решила, что у меня будет только имя и эпитафия по-русски:

Любви искала – так и не нашла,
И Нобелевку, жаль, не получила,
Зато сия изящная могила
К моей фигуре очень подошла.

2. Про смысл жизни

Аквариум во всю стену, на столе – проволочный человечек в лодке. Мой психоаналитик Арни называет его «Пациент, гребущий к счастью».

Когда мы встретились в первый раз, Арни спросил:

– Почему вы здесь?

– Да вот, смысл жизни потеряла. У вас он нигде не завалялся?

Арни похихикал и начал меня хвалить. Так я стала его постоянным клиентом.

У него приятный голос и горячие ладони. Темечко покрывает белая грива, и, когда Арни сидит у окна, вокруг его головы зажигается нимб.

Он умеет расспрашивать так, что ты чувствуешь себя звездой: твоя дурь – это благородное заболевание, твои тараканы в башке бесценны.

Половина голливудского бомонда лечится у Арни от плохого характера. Мне лестно находиться в такой компании. Придешь к нему на приём, опустишься в кресло: «А ведь на этом месте сидели самые известные задницы мира!»

Мы разгребаем мою биографию, как археологи – древние развалины. Особо тщательно Арни копается в детстве. Оно у меня уникальное, такого ни у одной голливудской звезды нет: папа – коммунист, мама – передовик. Сам Арни рос в пятидесятые, во время «охоты на ведьм», и для него это звучит как «папа – вампир, мама – оборотень». Я с удовольствием щекочу ему нервы – мне нравится удивлять человека, которого ничем не удивишь.

Иногда мы спорим. Арни пытается доказать мне, что смысла жизни нет и быть не может. Ну как не может, если раньше он всегда был?

Поначалу он заключался в маме. Помню, как я ждала её с работы. Заберусь на подоконник, подожму колени к подбородку и смотрю на улицу. Вдруг сейчас в толпе мелькнёт белая шапка?

Потом было много других смыслов. Постепенно мамино место заняла наша дворовая компания. Мы прыгали с крыш гаражей и лазили в подвалы с дурной репутацией. Наша стая казалась нам центром вселенной: её признание было высшей наградой, её порицание – катастрофой.

Казалось, планеты не должны сходить с орбит, но однажды я обнаружила, что вращаюсь уже вокруг другого «солнца». В моей душе поселилась *любовь*, и там не оставалось места ни для чего другого. Объекты были не так важны для меня – важно было желание петь, летать и умереть одновременно.

Моя любовь сдохла, не выдержав конкуренции с реальностью. Деньги – вот о чём я думала, шлёпая мимо роскошных нью-йоркских витрин. «Люди, скиньтесь по доллару мне на богатство! От вас не будет». Но людям было жалко.

Деньги появились вместе с работой в престижном журнале. Я засиживалась в редакции до полуночи и вместо снов видела производственные совещания. Но потом на меня снизошло откровение: «Господи, да я трачу жизнь на то, что мне не нужно! Я сто лет не была в театре. Мои платья выходят из моды до того, как я успеваю их надеть».

Бог хлопнул в ладоши, и мир опять перевернулся. Мне показалось, что я должна стать известным писателем. Хозяевами моей жизни стали мифические люди, читатели, которых я знать не знаю, но от которых зависело всё: и моя самооценка, и настроение, и вера в успех. Я писала книги, публиковала их и каждый раз ждала СЛАВЫ. Но ничего не происходило.

Переосмысление произошло из-за Бориса Стругацкого. Я не помню, как это звучало дословно, но он сказал, что вне зависимости от качества книги всегда найдутся люди, которым она понравится, и люди, которые ничего не оценят. При этом подавляющему большинству будет совершенно наплевать на твоё творчество.

Я опять слетела с орбиты...

Слушая мои признания, Арни сплетает пальцы на колене.

– Ты уже начала вести дневник?

– Да.

– Тогда пиши ещё и мемуары. Так мы сможем обнаружить истоки проблемы.

Арни как-то говорил мне, что депрессии в основном проистекают от избытка свободного времени. Похоже, он решил лечить меня трудотерапией: если я всё время буду писать – мне некогда будет обдумывать своё несчастье.

А всё-таки без смысла жить нельзя... Вокруг какой бы звезды мне повращаться?

– Барбара! – зову я домработницу. – Угадай загадку: что такое – большое, светлое, вдохновляет, ободряет, освещает путь и должно присутствовать в жизни каждого человека?

Барбара – волоокая мексиканская дива – выходит из кухни.

– Холодильник?

3. Про моего любимого кинорежиссёра

Я безумно влюблена в Кевина – режиссёра и сукина сына. Безумно – не потому, что ночей из-за него не сплю, а потому, что он давно и безвозвратно женат.

Кевин хорош собой. В его годы иметь крепкие зубы и скромную лысину – это большое достижение.

Мы познакомились в застрявшем гостиничном лифте. Я поднималась в номер к знакомому писателю и несла ему в подарок бутылку «Мартеля». А Кевин хотел скрыться у себя от журналистов. Секса у нас не было – у нас было распитие спиртных напитков в общественном месте.

Мы сидели, прислонившись друг к другу, и Кевин рассказывал, как шевалье де ла Круа-Марон изобрёл коньяк:

– Он был законченным алкоголиком. Один раз надрался до того, что ему привиделся Сатана. Дьявол захотел выпарить из него душу и кинул шевалье в чан с кипятком. Варил да приговаривал: «Так просто твою душеньку не вынешь! Тебя нужно два раза сварить!» Очухавшись, благородный мессье решил вынуть душу из вина. Перегнал его по дьявольскому рецепту два раза. Попробовал – вкусно. С тех пор коньяк так и делают.

После того случая в лифте мы с Кевином регулярно устраиваем интимные дегустации. Его жена, Сюзан, ревнует до истерик и называет меня неудовлетворённой стервой. А я хихикаю: у меня секса не было лишь пятнадцать месяцев, а у неё – шесть лет (насколько Кевин знает). Впрочем, тут дело не в сексе: Сюзан обидно, что её муж дружит со мной, а не с ней.

Совсем отказать мне от дома она не может: врага следует держать под присмотром. У них вообще всё происходит под знаком «не могу»: не могу любить, не могу понять, не могу развестись, не могу видеть.

Сюзан на всех фотографиях выглядит так, будто её только что представили к награде. У неё тот тип лица, который всегда найдёт спрос в рекламном бизнесе. В её жизни не может быть развода: родственники, друзья и журналисты знают, что ей нелегко с мужем, но она его не осуждает. Быть супругой творческого человека – это тяжкий крест, и Сюзан готова нести его до конца.

Каждый день Кевин уходит в семь утра и возвращается в двенадцать ночи. Каждый день Сюзан ждёт его с поджатыми губами. Он удирает в ванную, пьёт там коньяк и смотрит кино по старому детскому DVD-плееру.

– Не живи так, – говорю я Кевину.

– Не могу.

Он трёхмерен. Его первая ипостась – режиссёр блокбастеров, вторая – интеллектуал, знающий цену людям и вещам, третья – человек, всем желающий добра. Кевин постоянно блуждает в этих трёх соснах и никак не может из них выбраться. Что-то одно всегда противоречит другому.

Вчера Сюзан позвонила и пригласила меня в гости – для того чтобы Кевин остался дома.

А я что? Я пошла. И своего мопса Ронского-Понского взяла – чтоб он ей на ковёр написал.

Ронский вместо этого нюхался с их лабрадорихой. Чего нюхаться, спрашивается, если оба кастрированные?

Впрочем, мы с Кевином тоже нюхаемся безо всякой надежды на счастье.

4. Про детство

Так, пора писать мемуары. Рассказываю про детство.

Мне четыре года. Я большая: с этой зимы мне повязывают шарф узлом наперёд и разрешают одной ходить по квартире.

Плутать в её сумеречных коридорах очень интересно: на стене висит полуразобранный велосипед дяди Серёжи, и я восторженно кручу огромное колесо со спущенной шиной. Мне представляется, что это колесо обозрения. Если с помощью клея приделать к нему оловянных солдатиков, то... Да знаю, знаю! Папа поссорится из-за меня с дядей Серёжей, и тот не позвёт его смотреть телепередачу «Кабачок „13 стульев“». А когда папа остаётся без «Стульев», я остаюсь без компота.

В углу белым айсбергом возвышается холодильник бабы Шуры. Туда строго-настрого запрещено лазить. А я и не лажу: там все равно ничего нет, кроме половины старого батона и каких-то свечек в картонной коробке. Баба Шура их очень бережёт и не использует, даже когда отключают электричество.

На прошлой неделе у неё был день рождения. Баба Шура испекла торт со сливочным кремом и выставила его на подоконник – пропитываться. Пока гости пили за здоровье именинницы, я тихонечко прокралась на кухню и навтыкала в торт бабы-Шурины свечи.

Брать спички мне не разрешали, поэтому я позвала маму:

– Пойдём! Надо зажечь свечки и сказать бабе Шуре, чтобы она их задула!

Мама неохотно оторвалась от разговора о праздничных наборах и пошла со мной на кухню.

Увидев моё произведение, мама очень ругалась (правда, шёпотом, чтобы никто не услышал), потом долго залеплиwała кремом дырки от свечек. Про то, что случилось, она никому не сказала («А то бы гости торт есть не стали») и в тот же день купила бабе Шуре новые свечки. Только почему-то не в хозяйственном, а в аптеке.

Ещё в коридоре стоит вешалка с пальто. Если на неё долго смотреть, то поймёшь, что это рожа индейца. Я его боюсь и всегда прохожу мимо как можно скорее. Над ним, на верхней полке, белеет заячья шапка – это маленькое привидение, младенец-грудничок. Летать оно пока не умеет, но я знаю: скоро научится.

А под вешалкой храпит Николай Петрович, сапожник из мастерской при ЖЭКе. Он опять «нажрался» и «не донёс себя до койки». Я люблю, когда он нажирается. Он тогда либо поёт «Едут, едут по Берлину наши казаки», либо спит. А когда он спит, я могу безнаказанно стырить у него резиновый клей, чтобы приклеить на велосипедную шину моих солдатиков. И бог с ним, с компотом. Баба Шура обещала меня ирисками угостить.

5. Как я была доброй феей

Арни говорит, что я должна быть доброй феей:

– Вспомни себя в детстве. Ты наверняка хотела, чтобы у тебя была крёстная фея, которая бы исполнила твоё заветное желание. Было такое?

– Было.

Ах, по молодости я действительно нуждалась в помощи потусторонних сил. Мне очень хотелось погибнуть за правое дело: стерпеть пытки фашистов, ничего им не сказать и попасть в список пионеров-героев. Но все фашисты в нашем районе вымерли задолго до моего рождения.

– Так вот, – продолжил Арни, – представь, что ты и есть добрая фея и ты послана на землю, чтобы помогать людям. Твоя жизнь сразу же наполнится смыслом, ты обретёшь душевный покой...

Я долго думала, кого бы мне осчастливить. Племянника Джоша? Фиг ему, он мне и так шесть штук должен. Сестру Лёлю? Подругу Мелиссу?

На автобусной остановке сидел чёрный паренёк с глазами побитого щенка. Я подошла.

– Какое твоё самое заветное желание?

– Fuck you!

– Ну... пошли...

Не пошёл, паразит. Людям не нужна моя доброта.

6. Как я снималась в кино

Кевин позвонил в шесть утра:

– У меня для тебя новость: сегодня ты снимаешься в кино.

– В роли кого?

– В роли одной женщины. Ты идеально подойдёшь.

Я насторожилась: последние два месяца Кевин снимал фильм про марсиан.

– Монстром быть не согласна.

– Да при чём тут монстры?! Тебя даже гримировать не придётся. Ну, почти.

– Э-э...

– Как хочешь. Только потом не жалуйся, что я тебя на съёмки не беру.

Съёмочный павильон – провода, рельсы, куски звездолётов и будуаров...

Кевин что есть сил орал на пришельцев:

– Марсиане, нах... Вам с такими рожами не Землю завоёвывать, а машины парковать!

Вот ты, – Кевин подбежал к центральному уроду, – ты что, никогда на расстрел не ходил? Тебе сложно повстанцу по шее двинуть?!

Марсианин с ненавистью смотрел на него.

– Пусть он на тебе потренируется, – шепнула я режиссёру. – У него получится, вот увидишь.

Кевин сурово зыркнул на меня.

– Ладно, перерыв. Всех ненавижу. Уроды!

Бряца оружием, уроды разошлись пить кофе. Костюмеры и гримёры поскакали следом – следить за доспехами и рогами.

– Какие у меня будут слова? – спросила я Кевина.

Тот устало листал сценарий.

– Никаких. Тебе надо просто полежать на столе.

– То есть?

– Ты будешь изображать павшую в боях.

– Я что, труп играю?!

– Ну да. Повстанцы будут целовать тебя в лоб и клясться отомстить.

– Ну как, нравится? – спросила гримёрша Стелла, специалист по огнестрельным ранениям и покойникам.

Из зеркала на меня смотрела бескровная рожа с тяжёлыми мешками под глазами.

– Блестяще! – сказал Кевин. – Натуральный мертвец.

– Перестань потеть!

– Я не могу, мне жарко!

– Стелла, попудри её! У тебя есть что-нибудь от пота?

– Тальк для ног.

– Шутники, нах... Будем до вечера снимать, пока не закончим сцену!

Сцена фиг знает какая, дубль фиг знает какой. Я мысленно сочиняю стихи:

Я лежу. Я не ржу.

Я стараюсь не дышать.

Вот известная звезда

С автоматом на плече
Наклоняется ко мне.
От звезды разит пивком.
Звёзды любят алкоголь.
И вообще теперь я знаю,
Кто как пахнет и что ест.

– Это тяжёлая утрата для повстанческого движения. Уходят лучшие из лучших. Наш долг – отомстить. Наш долг – не сдаваться. Наш долг – каждый день вдохновляться героическим примером...

– Снято!

Кевин подошёл ко мне.

– Ну слава богу! Лежала – загляденье. Дай я тебя поцелую!

Не далась. Меня сегодня нацеловали на три года вперёд.

Сниматься в кино мне не понравилось... Хотя теперь у меня будут фотографии с собственных похорон – штатный фотограф всё заснял. Затребую с Кевина снимочек, вставлю в рамку и повешу над камином.

7. Про женскую грудь и цензуру

Не так давно по телевизору показали фильм, а там тётка с голой грудью. Вся страна развратилась на десять лет вперёд. Судебные иски, возмущённые звонки... Такая беда случилась, что просто не спастись.

Каждый пуританин в отдельности не видит в голой груди ничего зазорного: у кого своя есть, у кого – женина. Но стоит им собраться вместе – и всё, титькам бой. Причём никто не борется за то, чтобы грудь не показывали лично ему: он-то сам как-нибудь удержится от грехопадения. Этим борцам хочется, чтобы не смотрели другие.

Цензура (хоть по поводу груди, хоть по поводу политики) – это завуалированная мания величия: «Я огражу вас, убогих, от беды».

Вон в Северной Корее есть только внутренний интернет. И только один телеканал. Информация проходит жесточайшую проверку на соответствие идеям Чучхэ.

Вводить цензуру в стране – это в открытую признать свой народ дураком, который не в состоянии отличить хорошее от плохого. Если мы уверены в собственной правоте, то какой смысл скрывать от близких неправильную точку зрения? Ведь любой здравомыслящий человек сможет разобраться, кто прав, а кто нет.

Правитель, устанавливающий цензуру, расписывается либо в собственной неправоте, либо в дебилности своей нации. Что, кстати, не мешает ему провозглашать её великой.

Нестыковочка выходит: великий народ, которому не разрешают принимать самостоятельные решения – как маленькому ребёнку или сумасшедшему.

8. Про моего гениального племянника

Мой племянник Джош говорит о себе так:

– Да, я гений. Это может подтвердить любой мало-мальски образованный человек.

Образованных людей на свете немного: его гёрлфрендша Сара и моя сестра Лёля.

О собственной одарённости Джош узнал в пять лет. Он нарисовал несколько улыбающихся пауков с ушами и заявил, что это коллективный портрет детсадовского руководства. Видимо, в отместку заведующая сказала, что рисунок гениален. Тем самым она испортила мальчику жизнь.

Все последующие годы Джош потратил на создание нового в искусстве.

– Ну скажи, о чём тебе говорит рембрандтовский «Портрет старика в красном»? – вопрошал меня племянник. – А мой «Запутавшийся старик» говорит о свободной любви и открытости.

«Старик» Джоша и вправду открыт всему миру: там, где порядочному человеку надлежит иметь трусы, у него имеется огромный хрен, завязанный узлом макраме.

– Хочешь, я продам тебе эту картину?

Это был первый и единственный раз, когда я купила его произведение: мне нужен был презент на День Святого Валентина. Хотела бывшему мужу подарить.

Джош осознал, что на мне можно делать деньги.

– Я принёс тебе ещё трёх стариков: «Старик на урановой шахте», «Кокетливый старик в костюме французской горничной» и «Старик, совсем-совсем обедневший».

– Джош, я занимаюсь литературой, а не живописью.

– А я к каждой картине написал по стиху. Вернее, по поэме. Я тебе завтра пришлю рукопись.

– Джош, иди, детка, на фиг.

Но мальчик недаром рос в нашей семье: ослиное упрямство и настойчивость – это у нас в крови.

– Тётя Мардж, ты же знаешь, что хорошо продаётся! Что ты хочешь, чтобы я написал? Фантастический роман? Что-нибудь про лесбиянок?

– Учебник по китайскому языку. Сейчас эта тема очень актуальна.

– А какой у меня будет гонорар?

– Джош, давай я тебе дам тридцать долларов, и ты от меня отстанешь?

– Ну хорошо, я тебе завтра позвоню.

– Пятьдесят долларов – и ты мне не позвонишь ни завтра, ни послезавтра и вообще исчезнешь до конца месяца.

– Тётя Мардж, а ты знаешь, что сейчас можно слетать в космос за деньги? Я тогда не скоро вернусь.

Я не стала говорить, что сейчас можно и похоронить в космосе. А то если Лёля прознает о моих намёках, она очень обидится.

9. Про мою собаку

Из кухни слышится ласковый бас:

– Ну, пёсик, ну, милочка, ну съешь ещё ложечку!

Барбара, моя домработница, уговаривает Ронского поужинать. Тот воротит сытую морду, страдальчески кряхтит и перебирает лапками.

У нас такой ритуал: Ронский ест собачий корм, только если перед ним долго рассыпаются в комплиментах. При этом он с рождения глух как пень.

Недостатков у Ронского даже больше, чем у меня. Он храпит по ночам и роняет слюни на гостей; он до сих пор не усвоил, что задирать ногу на швабру – признак дурного тона.

Гладить Ронского без омерзения можно один раз в месяц – после того как его вымоют в пэт-сервисе. В остальное время он пахнет либо моими сигаретами, либо самим собой. Не знаю, что хуже.

– Жалко, что мопсов нельзя отдать на благотворительность, – вздыхает Джош. – Тогда от него была бы польза: ты списала б с налогов его стоимость.

Их отношения изначально не сложились: Ронский-Понский постоянно гложет Джошевы ботинки. Он считает, что они гораздо вкуснее собачьего корма.

Джош орёт на него матом, но Ронскому пофиг: он всё равно ничего не слышит.

– Ты ему в картинках изобрази, как ты его не любишь, – посоветовала однажды Барбара.

В результате Джош вдохновился на серию полотен под названием «Пипец Ронскому-Понскому». По исполнению они весьма напоминают средневековые гравюры о страданиях святых: «Ронский в пасти у льва», «Усекновение главы Ронского», «Ронский после обработки кремом для удаления волос в зоне бикини».

Барбара на кухне сокрушается: бедная собачка опять ничего не покушала. А зачем ему? Он сегодня уже глодал мой банный халат – вот и наелся.

10. Про мою подругу

Бывает, люди дружат на почве общей любви к искусству, или на почве ненависти к главному, или на почве совместного вынесения мусора... Мы же с Мелиссой дружим на почве взаимной зависти: я ей завидую из-за её длинных ног и белокурых волос, а она мне – из-за знакомства с Кевином.

Впрочем, уважать Мелиссу можно не только за волосы. Она у нас бизнесвумен. Организовала свою компанию, снимает офис, платит зарплату.

Мелисса – профессиональная гадалка. Её контора находится в очень удачном месте – как раз между тюрьмой и магазином свадебных платьев, так что недостатка в клиентах у неё не бывает.

«Предсказания и магия» – гласит вывеска над входом. Внутри – бархатные портьеры, свечи и книги на неведомых языках... Я как-то взяла одну: «Практический справочник животновода», Москва, 1947 год.

– Помогает в работе-то?

– Много ты понимаешь! Тебе только кажется, что это обыкновенная книга. Лишь посвящённые могут читать между строк... А у тебя к тому же вся аура в дырках.

Про дырки в ауре Мелисса рассказала мне в первый день знакомства. Мы забрели в её контору вместе с Джошем – просто так, пошалить.

Мелисса долго смотрела в хрустальный шар, а потом сказала загробным голосом:

– Опасайтесь рыжих женщин и нашего шерифа. Такая сволочь, знаете ли...

Мы с Джошем переглянулись.

– А вы любое будущее можете предсказать?

– Любое.

– А нам бы узнать выигрышный номер лотереи.

Я думала её смутить, да куда там! Мелисса раскинула карты, почесала в затылке и выдала:

– 6, 11, 28, 30, 35, 41, мега 8.

Я аж растерялась от такой наглости.

– И что, это выигрышный номер?

– Да.

– И в эту среду мы можем получить 32 миллиона?

Мелисса скрестила руки на груди.

– Почему в эту среду? Вы у меня просили выигрышный номер – я вам его дала. Но вы не спрашивали, когда именно он выпадет. Я предсказываю будущее, а не оглашаю расписание. Кстати, вам, милочка, я бы посоветовала заняться аурой. С такими дырами вам не о миллионах думать надо, а о тотальной чистке астрального тела.

В этот момент я поняла, что мы будем дружить. Возможно, годами.

11. Про мужа любимой подруги

Муж Мелиссы, Тедд, работает в Диснейленде Дональдом Даком: фотографируется в обнимку с детьми и марширует в ежевечернем параде.

Мелисса говорит, что он настолько вошёл в роль, что даже во время секса шепчет «Oh, yes, baby!» с утиным акцентом.

– Лучше б он в Бэтмены пошёл, – сокрушается она. – У Бэтменов часевые намного выше – их женщины любят.

Но Тедд не соглашается. Он у нас бородатый, а бородатый Бэтмен – это всё равно что лысая Белоснежка.

– Глаза б мои его бороды не видели! – сердится Мелисса. – Как придёт в ресторан – весь соус по ней развесит.

– Борода – это наша семейная ценность, – спокойно разъясняет Тедд. – У моего папы была такая же.

– Твой папа работал Санта-Клаусом и привидением в Комнате страха.

– А я тоже могу привидением...

– Спасибо большое! Если ты мне ещё и выть по ночам будешь... Слушай, а может, тебе стать Чубаккой?

Я хихикаю. Тедд дивно будет смотреться в костюме Чубакки – при его росте чуть выше табуретки. Жаль, нельзя предложить ему роль Мастера Йоды: во-первых, опять будут проблемы с бородой, а во-вторых, если Тедд заявит Мелиссе в постели: «Фиаско я потерпел. Скрыться должен я», – то она его точно из дома выгонит.

12. Мой день

Арни велел описать мой типичный день. Да ради Бога!

Быть литературным агентом – это встать в четыре утра, чтобы созвониться с Германией. На дикой смеси языков объяснить фройляйн-секретарше, кого мне надо. Потратить пятнадцать минут, а потом получить ответ: «Ой, а он только что вышел!»

Крикнуть «Ну и хенде хох с тобой!» и яростно швырнуть телефон в угол кровати.

Попытаться уснуть. Столкнуться с кровати Ронского-Понского, который чего-то от меня хочет. Понять, что Ронский-Понский хочет писать и ему нужно открыть дверь.

Встать, открыть, закрыть, лечь.

Заглянуть в электронную почту и обнаружить там тридцать шесть писем. Десять из них – спам, на двадцать шесть надо ответить. Шесть – от партнёров и клиентов. Двадцать – от графоманов, которые хотят от меня денег.

У писателей, которые не умеют писать, есть общее свойство – они не умеют ещё и читать. Они не читают классиков, поэтому не понимают, что такое хорошая литература. Они не читают современников, поэтому не понимают, насколько им далеко даже до среднего уровня. Но больше всего меня огорчает, что они не читают мои инструкции. На моем сайте чёрным по белому написано, что именно мне нужно присылать.

Но графоманам всё пофиг. Каждый день они шлют философско-эротические триллеры с элементами фантастики, мистические одиссеи капитана Пулемёта, трактаты «Как нам обустроить Россию (Америку, Евразию, Вселенную и т. п.)» и любовные романы, в которых достоверно выглядят только фамилии авторш. Весь этот полет мысли я безжалостно удаляю, а писателям отправляю вежливый отказ. В коллекцию идут только рукописи о жидомасонском заговоре.

Они похожи друг на друга, как яйца на полке холодильника. Каждая из них начинается с вопроса «Почему везде они?» и заканчивается списком бредовой литературы, опубликованной в полуподвальных издательствах начала 1990-х. Список всегда одинаковый.

Пишут это не кто-нибудь, а лучшие сыны человечества, которые хотят протереть ему глаза. Лучших сынов я временами зачитываю в хорошей компании. Народ ржёт до слёз.

На письма у литагента уходит полдня: сначала всем ответить, потом свои послания настрочить.

В Индию: «А как там поживает книжечка про таракана Стефана?»

В Японию: «Я понимаю, что вы хотите опубликовать труды физика Гольдштейна, но, во-первых, у Гольдштейна нет трудов, у него есть только несколько статей, а во-вторых, у меня нет самого Гольдштейна: он не отвечает на звонки».

В Нью-Йорк: «Есть отличная книга Соколовой „Второй брак“ – хотите? Из неё вы узнаете, почём фунт лиха на Руси».

В Россию: «Нет, в этом году я не еду на Московскую книжную ярмарку».

Ещё в Россию, ещё в Нью-Йорк, ещё в Чикаго и в Атланту...

Телефон: «Дзинь!»

– Хэлло...

Общаюсь с Кевином. Потом – с Мелиссой, потом – с газонокосильщиками, которым не заплатила на прошлой неделе. Всем обещаю, что требуется, вырубаю телефон и сажусь читать рукописи.

В этот момент начинает мигать «Скайп» – Артур, клиент, переписал четвёртую главу и хочет, чтобы я на неё взглянула.

Пишу: «Артур, солнышко, мне НЕКОГДА. Почитаю, когда напишешь ВСЁ!»

Артур обижается: «Я и не прошу тебя читать – ты только посмотри!» И начинает высывать четвертую главу через «Скайп». Кусками.

Я отключаю интернет и иду на террасу – сидеть в кресле, пить кофе и ЧИТАТЬ.

В ворота: «Бум! Бум! Бум!»

– Ну что ещё?

На пороге стоит парень с кучей цветастых журналов в руках.

– Мэм, мы собираем пожертвования в Фонд помощи молодым дарованиям.

У меня загораются глаза.

– И вы принесли мне их на дом?! Очень мило с вашей стороны.

– Нет... Но...

– Послушайте, молодое дарование – это я. Вы хотите мне помочь – замечательно, давайте сюда пожертвования и валите. Мне НЕКОГДА!

Денег мне не дают. Вспоминаю, что мне на счёт должны прислать 500 долларов за только что проданную азбуку. Включаю компьютер, проверяю – хрена! Звоню в издательство:

– Где?

Мне отвечают, что завтра всё будет, тысяча извинений. Только кладу трубку – «дзинь!» Менеджер газонокосильщиков:

– Где деньги?

– Завтра всё будет. Тысяча извинений.

Мне все надоели, я беру журнал, иду в ванную и узнаю, что в свет вышла обалденная книжка про Китай. Полчаса думаю, в какое бы российское издательство её можно пристроить... Топлю журнал в ванной. Чертыхаюсь, злюсь и в очередной раз клянусь не читать у воды.

На часах – восемь вечера. День прожит, к смерти ближе.

13. Про Ленина и партию

Продолжаю рассказ о детстве.

К семи годам я поняла, что цель моей жизни – свержение капитализма.

Я ненавидела его почти так же сильно, как пенки от молока. По телевизору постоянно говорили о злодеяниях капиталистов: они затевали войны, мучали революционеров и хотели истребить жизнь на земле. Странно, что за плохое поведение мама грозила отдать меня милиционеру. Вот если бы она пугала меня Капиталистом... Правда, тогда бы я выросла заикой.

Читая книги серии «Малыш», я выяснила, что главного борца с капиталом звали Ленин. Он был очень умным и добрым, и потому все перед ним благоговели.

Однажды мне захотелось нарисовать нашу улицу. На рисунке имелось всё что положено: дома, деревья, солнышко и, разумеется, памятник. Как могла, я изобразила ленинский прищур и руку, протянутую к прохожим. Шедевр нужно было срочно кому-нибудь показать, и я пошла к двоюродной сестре хвастаться.

Но Оля совсем не оценила моего таланта.

– Ты что?! – закричала она. – Ленина нельзя рисовать детям! Ты нарисовала его *непохоже*!

Оля была старше меня на три года, и я привыкла ей доверять. Вдвоём мы поспешно зачеркали памятник, после чего стали думать: а можно ли зачёркивать Ленина, нарисованного ребёнком? Взрослых рядом не было, и подсказать правильное решение было некому. Посоветовавшись, мы скрыли следы преступления: порвали рисунок и кинули его в унитаз.

Только потом до нас дошло, что это было настоящее святотатство: мы ведь не только зачеркали Ленина, нарисованного ребёнком, но ещё и спустили его в канализацию.

Благоговеть перед Лениным и Партией было не так просто, как кажется. В 1970-е годы в СССР была страшная напряжёнка с туалетной бумагой и в сортирах обыкновенно лежали порезанные на квадраты газеты. А в газетах печатались портреты вождей.

Как-то раз я спросила маму: что будет человеку, если он вытрет попу Брежневым?

Мама побледнела и на следующий день купила в «Культтоварах» пачку писчей бумаги. А папе было сказано, что «Правда» и «Труд» вредны для детского здоровья.

В актовом зале нашей школы стоял огромный гипсовый бюст Ленина, и на репетициях хора я сидела как раз рядом с ним. Как мне хотелось проверить, насколько глубоки у Ленина ноздри! Доходят они до мозгов, как у всякого нормального человека, или нет?

Однажды я пришла в актовый зал раньше всех. Потренировала на рояле, попрыгала по стульям... Ленин возвышался над сценой как египетский сфинкс. Не выдержав соблазна, я взяла карандаш и засунула его вождю в нос (провести эксперимент пальцами я не решилась – а вдруг и вправду доберёшься до чего-нибудь страшного, типа мозгов?).

Результаты опыта меня разочаровали: дырки оказались настолько неглубокими, что если посмотреть снизу, то было видно, где они заканчиваются. С горя я раскрасила изнутри сначала одну ноздрию Владимира Ильича, а потом вторую.

Если школа № 63 города Нижнего Новгорода до сих пор хранит этот бюст, советую администрации никому его не отдавать. Когда я помру и фанаты примутся за создание моих квартир-музеев, этого Ленина можно будет продать за большие деньги.

14. Про мою невероятную одарённость

Джош – не единственный человек в нашей семье, искренне верующий в свою гениальность. Тщеславие и самодовольство – это наша фамильная черта, и мы с удовольствием передаём её из поколения в поколение.

Про мою одарённость я узнала от бабушки Дины. В её доме не было воды, и мы ходили мыться в городскую баню.

– «Помойка женщин переносится на послепраздники», – прочла я надпись на двери.

Бабушка так и села.

– Профессорша! Всего пять лет, а какие слова прочитать может!

Масла в огонь подлила математичка Серафима Сергеевна по прозвищу Полковник СС. Она постоянно уговаривала родителей отдать меня в гуманитарную спецшколу, желательно в другом районе, а лучше – в другом городе.

В разное время в мои необычайные способности верили мужья, свекрови и налоговые инспекторы. Но каждый из них потом разочаровался.

Бабушка Дина умерла, Полковник СС тоже... И некому мне сказать, что ещё не всё потеряно.

Вечером я отправилась утешаться к Кевину. Он живет в gated community – полтора десятка дворцов за высоким забором. На въезде сидят охранники – берегут покой жильцов. Но я туда и не суюсь: охранники – народ простодушный и сразу заложат меня Съюзан. Мы лучше с обратной стороны подъедем, к решётчатой калитке. Она как раз выходит на задний двор – туда, где у Кевина мусорные баки стоят.

Выключив зажигание, я достала телефон.

– Алле. Это я. Приходи на помойку.

Кевин выбежал в домашних трениках. Мы сели на заднее сиденье.

– Будешь? – он вытащил из кармана охотничью фляжку. – Армянский коньяк. Только сегодня купил.

Через пять минут жизнь наладилась.

– Ты достойна войти в историю, – сказал Кевин, расчувствовавшись. – Я назову твоим именем звезду. Заплачу пятьдесят долларов, и её во все каталоги внесут.

От звезды по имени Мардж я отказалась и вместо этого потребовала сделать мне «октябрятскую» звёздочку, «поп»-звезду и «звезду Героя Советского Союза».

Мы выпили ещё и решили, что в небе обязательно должно быть созвездие «Пять звёздочек».

Домой мне пришлось добираться на такси. А потом ещё раз ехать на такси за машиной. Пусть Кевин – женатый дурак. Он того стоит.

15. Про родителей

Мой папа был художником, специализирующимся на политических плакатах. Каких шикарных Дядей Сэмов он рисовал! Взглянешь на эту рожу с бородкой, и сразу ясно: козёл.

Каждый раз, когда я глядела на папины антирасистские плакаты, мне хотелось усыновить негритёнка. А насмотревшись на «Руки прочь от Вьетнама!», я подговорила Пенькову и Гришину отправиться на войну. К сожалению, моя сестра Лёля обнаружила наш склад снаряжения: вырванную из атласа карту, жидкость от комаров и суп быстрого приготовления «Вермишелевый». Она вскрыла все четыре пакета и съела из них сушёное мясо, а карту отдала мальчишкам, чтобы они искали по ней клад. В общем, Америке повезло и мы никуда не поехали.

Своим рождением я тоже обязана папиному творчеству.

На Первое мая папа получил халтуру – нужно было оформить сцену для праздничного концерта в ДК имени Ленина. Начальству работа понравилась, и художнику выдали приглашительный билет.

Первым номером выступал ансамбль народной пляски. Под громкое «И-и-эх!» по сцене кружилась настоящая русская красавица. Юбки её разлетались, мужики блистали глазами.

Когда к зрителям вышла упитанная тётя и запела «Светит месяц», папа отправился за кулисы.

Ансамбль пляски – усталый и покрасневшийся – раскуривал на лестнице папироску на девятерых. Папа долго стоял в отдалении и смотрел на артисток. Он никак не мог вспомнить, чьи же ноги так его потрясли.

– Которая солистка-то? – спросил он пробежавшего мимо конференсье.

– Да вон!

Папа вздыбил рукой чуб и пошёл в атаку.

– Девушка, а можно вас на минутку?

Впоследствии оказалось, что конференсье ошибся и вместо солистки Абрамовой указал на рядовую Титову. Но папа ни разу об этом не пожалел.

Отозвав девушку в сторонку, он начал рассказывать про соцсоревнование между художниками.

– Нам до зарезу нужна модель, а вы идеально подходите! – божился он. – Я вас прошу только об одном: попозировать для меня!

Девушка смущённо улыбалась и поглядывала через плечо на подруг.

Договорились встретиться в студии, в воскресенье в шесть вечера.

Всю неделю папа изобретал концепцию плаката, который мог выйти в печать. Титова должна была осознать, что она познакомилась не с пустобрёхом, а с настоящим издающимся художником. Но руководство интересовали только слава КПСС, гибель империализма и техника безопасности. Конечно, можно было нарисовать Титову на плакате «Уходя, гаси свет!»... Но тогда ей пришлось бы позировать в рабочей робе. От таких мыслей папе становилось грустно.

К воскресенью он так ничего и не придумал. Ходил, меряя шагами студию, и поглядывал на часы. «Она не придёт...»

Полседьмого в дверь постучали. Титова стояла на пороге с двумя огромными сумками.

– Извините, в прачечную забежала, – сказала она. – Нужно было простыни забрать.

И тогда папу осенило.

Через пару месяцев из Горьковской типографии вышел плакат – статуя Свободы, заматанная в простыню, читает телеграмму:

«Разоблачение грядёт.

Сдавайся сразу. Твой народ».

– Экая у тебя американка вышла! – восхищался папин друг Воронкин. – Прямо как из «Плейбоя»!

Папа усмехался в усы. «Статую» хотели зарубить на комиссии, но председатель сказал, что плакат – жизненный, так как показывает распушенность Америки. А потом повесил его в своём кабинете.

16. Про мои мечты

Вот был бы у меня мужик, я бы его за пивом отправила, а так пришлось тащиться самой. По дороге купила компьютерную игру «Моя фантазийная свадьба». Уж больно аннотация понравилась: «Спланируй самый счастливый день в твоей жизни! Выбери жениха, платье, торт и всё остальное! Воплоти свои мечты в реальность! Твой суженый ждёт тебя!»

А ниже приписка: «Для детей от 6 до 12 лет».

17. Про мои детские травмы

Впервые я столкнулась с миром криминала в восемь лет.

В кармане моего школьного фартука хранилась сокровищница: знаменитая на весь 2-й «Б» коллекция календариков. Я владела очень ценными экземплярами из серии «Города» и «Цирк». Более того, у меня был всамделишный ГДРовский календарик с кораблём.

Как мне завидовали! Мне предлагали обменять его на любые богатства – хоть на настоящую кнопочную ручку, хоть на дюжину фиолетовых биток. Но я была непреклонна и хранила кораблик, как Кощей – свою смерть.

Каждые вторник и пятницу я брела в музыкальную школу на репетицию детского хора. Петь модные песни нам не разрешали, и мы печально тянули программное – «Шла баржа по Волге широкой».

Бог ведает, почему хормейстер Маргарита Александровна мучила нас бурлацкими песнями. У нас весь репертуар состоял из «Дубинушек» и «Похоронили парня под откосом».

Как страстно мы завидовали Школе искусств! Там детский хор бацал «Мы красные кавалеристы» и «Шёл отряд по бережку». У них и форма была лучше: брусничные плиссированные юбки, галстуки-бабочки и будёновки. А у нас – унылые жабо, напоминавшие кухонные занавески.

Единственное, что спасало меня от скуки репетиций, – это календарики. Сядешь на последний ряд, разложишь их на коленках... Девчонки смотрят и завидуют!

Но однажды приключилась беда.

– А ну дай сюда! – сказала Маргарита Александровна, которой очень не понравилось, что все глядели на меня, а не на неё.

Я протянула грозной женщине календарик, который похуже.

– Все, все давай! – велела Маргарита Александровна.

Мои «Города» и «Цирки» перекочевали в упитанную ладонь музыкального работника. «Кораблик» уплыл следом.

Петь я уже не могла: губы дрожали, слёзы текли ручьями и скапливались, невытертые, под подбородком.

После репетиции я подошла к роялю.

– А можно...

– Нельзя! – отрезала Маргарита Александровна. – Отдам только родителям.

Но я не могла привести в музыкалку родителей! Иначе бы они мигом раскрыли мой сговор с учителем по баяну. Он поклялся меня не учить, а я обещала помалкивать насчёт скрипачки Людочки, с которой он запирался в красном уголке.

До конца учебного года я не пропустила ни одной репетиции хора – всё надеялась, что Маргарита Александровна вернёт похищенное. Я несколько раз улучала момент и рылась в её пахнущей холодильником сумке. Всё было тщетно: календарики исчезли. Вероятно, Маргарита Александровна отнесла их домой и присоединила к собственной разросшейся от постоянного грабежа коллекции.

Год спустя Борька Папахин спер у нее золотое кольцо, лежавшее на рояле. Маргарита Александровна жутко кричала. Она вытащила Борьку на середину зала и хотела заставить его на коленях просить прощения.

– Ты вор! По тебе милиция плачет!

– Иди на хер!

Все онемели от изумления. Ляпнуть *такое* взрослой женщине?! Тем более преподавателю?! Маргарита Александровна выпустила Борькину руку, и тот неторопливо вышел из актового зала.

Я была уверена, что Папахина посадят в тюрьму, но его всего лишь отругали на родительском собрании.

– Всё по закону, – сказал Борька после этого. – Если взрослый тырит у маленького, ему ничего не бывает, и если маленький тырит у взрослого – то же самое. Единство и борьба противоположностей – мне это старший брат объяснил.

18. Про мою домработницу

Барбара моет микроволновку. Попу туго обтягивают розовые штанишки. Каждое движение преисполнено изящества.

– Барбара, сколько тебе лет?

– Двадцать шесть.

Самый сок. Интересно, что она делает по вечерам? Ни за что не поверю, что она, как все прочие, сидит перед телевизором. Таким девушкам надо вести порочную жизнь, ездить на дорогом мотоцикле и носить кожаный плащ. Она должна входить в ночные клубы и, сняв перламутровый шлем, встряхивать роскошными волосами. Она должна курить длинные сигареты и оставлять следы помады на шеях мужчин.

– Барбара, ты знаешь, что означает твоё имя?

Дива стаскивает резиновые перчатки.

– А оно что-то значит?

– В переводе с латыни «Барбара» означает «дикарка». Тебе очень подходит твоё имя.

Барбара не понимает, чего мне от неё надо. Её мир прост, как суповая тарелка. Её родители – добрые трудолюбивые люди – тринадцать лет назад нелегально пересекли американо-мексиканскую границу. Это был единственный способ вырваться из глухой нищеты, передающейся детям как наследственная болезнь.

– Барбара, тебе определённо нужен «Харлей Дэвидсон».

– Да нет, микроволновку лучше мыть обыкновенной содой. Она запах убивает.

19. Как мы развлекаемся

Океанский лайнер «Queen Mary» очень похож на «Титаник». Та же роскошь, те же порции, те же чёрно-оранжевые трубы... Его палубы помнят многих звезд XX столетия, от Уинстона Черчилля до Кларка Гейбла. Это был корабль-мечта – может быть, не столь широко разрекламированная, но зато непотопляемая.

«Королева Мэри» давно вышла на пенсию: теперь в её каютах располагается гостиница. Мы с Кевином забрели сюда ради фотовыставки Джорджа Хёррелла. Золотой век Голливуда, чёрно-белая красота...

Я смотрю на Кевина.

– Представляешь, мой отец плавал на этой посудине, – говорит он чуть слышно. – В 1944 году сюда затолкали шестнадцать тысяч солдат и повезли в Европу. А в мирное время корабль был рассчитан на две тысячи пассажиров.

Отец Кевина каждый вечер писал письма домой – без надежды отправить. По ночам небо гудело: немецкие бомбардировщики пытались атаковать транспорт. Громыхали зенитки, орали офицеры... Акустики то и дело докладывали о подводных лодках.

Днём – тишь, штиль и силуэты конвойных судов неподалёку. Куда ехали? Зачем? Если ударит торпеда, никому не спастись. Если доплывут, то половина сгинет в европейской мясорубке.

Я хожу по палубам «Королевы» и наяву слышу шум тысяч голосов. На стенах вместо голливудского гламура – плакаты: «Покупайте облигации военных займов!» В коридорах – вытянутые ноги, каски, котелки... Плиты на камбузе горят круглосуточно. В туалет – очереди как в кинотеатр.

Мне преподавали историю так, будто американцы только купоны стригли на этой войне. Как будто не было ни Пёрл-Харбора, ни Нормандии, ни Иводзимы. Ан нет: всё та же боль, всё тот же страх, всё тот же шёпот: «Вернись живым!»

20. Мой племянник решил стать воякой

Джошу удивительно идут душевные терзания. Когда он в печали, у него и лицо одухотворяется, и глаза становятся как у приличного человека.

– Значит, ты решил записаться в армию? – осведомилась я.

Джош угрюмо вертел в руках ключи от машины.

– Угу.

Да, Джош у нас смертоносец, что и говорить... Помнится, он как-то демонстрировал приёмы рукопашного боя на Ронском-Понском. Ронский победил.

– И что тебя навело на эту гениальную мысль?

Джош вскинул на меня гневные очи.

– Тётъ, ну смотри... Тебе каждый месяц платят зарплату, но при этом ты живёшь на всем готовом и тратишься только на стрижку и форму. Плюс бонус... Они, кстати, хотят поднять его до сорока тысяч долларов. Если мне дадут сорок штук, то...

– Мы тебе на них дивный памятник отгрохаем. Со скульптурной группой в изголовье: «Исламисты отрезают голову американскому герою». Закажем у Церетели – он как раз специализируется на эпических композициях. У нас и исходные материалы будут: наверняка «Аль-Джазира» любезно предоставит нам видеозапись твоей кончины.

– Ну, тётъ! Может, я вообще ни на какую войну не попаду.

Я смотрела на своего племянника. Что творится в голове у этого балбеса?

– Как думаешь, те, кто лежат сейчас в могилах, думали, что убьют именно их? А те, кто валяются по госпиталям, предполагали, что именно они напорются на мину? Что ты скажешь себе, если нечаянно пристрелишь беременную бабу? Что ты не хотел? Что это не нарочно?

Выражение лица Джоша было достойно фотоаппарата Джорджа Хёррелла.

Пусть думает, ему это идёт.

Джош стесняется говорить со мной об истинных причинах. Он считает меня циником, способным воспринимать только бонусы и тысячи долларов.

На самом деле Джош хочет стать героем.

В его возрасте я сама была такой же. Помню, как я мыла посуду: тряпка из старых колготок, «Пемоксоль» на раковине... Я ненавидела этот мир, потому что в нем не было места подвигу. Мне казалось, что жить обычно – это унижительно.

Нынешней молодёжи хорошо – у неё есть интернет. Там такие баталии ведутся – огого! Сколько радости по поводу вражеских потерь, сколько искреннего счастья, когда нашим удаётся замочить не наших!

Разумеется, Джош самозабвенно защищает Америку. Наверняка кто-нибудь ляпнул ему, что воевать за компьютером может любой дурак, а ты пойдёшь послужить, если не слаб.

Джошу не слаб.

21. Про мой возраст

Подслушала, как Джош описывал меня своему приятелю:

– У меня мировая тётка: ей почти сорок лет, а выглядит на все сто.

Непонятно, почему они не сошлись характерами с Ронским-Понским? Ронский проявляет любовь ко мне в том же духе: пишет от восторга мне на ноги.

22. Моя первая любовь

Свою школьную любовь, Вову Запаскина, я любила целых семь лет.

Это сейчас на него тошно смотреть – прикормленный депутат Мосгордумы. А когда-то Запаскин был опасным человеком... Когда-то от одного его взгляда у девушек трепетали сердца и снижалась успеваемость.

Меня Запаскин не любил, и за это я его била. Его бабушка – строгая дама с широкой, как стол заседаний, грудью – почти еженедельно требовала у моих родителей выдачи преступницы. Папа в экстрадиции отказывал. Он не верил, что я способна выкручивать мальчикам руки и кричать: «Жри землю, гад!»

Чего я хотела от Запаскина? На пение романсов под окном рассчитывать не приходилось: мы жили на девятом этаже. Дуэль? Но Запаскину было всё равно, что физрук говорил девушкам: «Ну, понеслись, кобылицы!» Нашим мальчикам даже в голову не приходило вступить за честь дам.

К девятому классу я была уже согласна на простое «I love you». Вместо этого Запаскин влюбился в златокудрую Ковязину.

Я всё понимала: Ковязина давала ему списывать алгебру. Что я могла противопоставить ей?

Мы с Запаскиным дежурили в кабинете химии. Он мыл первый и второй ряд, я – третий и середину.

– Запаскин, – сказала я, отжимая мокрую тряпку в ведро. – А ты знаешь, что такое эротика?

Запаскин поднялся из-под парты.

– Чё?

Кажется, тогда я впервые поймала на себе заинтересованный взгляд мужчины. Железо надо было срочно ковать, и я вывалила на бедного Запаскина всё, что знала по данному вопросу.

Поздние рассказы Бунина, уличные анекдоты и самиздатовская «Тысяча и одна ночь» произвели должное впечатление. Давно стемнело, а мы с Запаскиным всё сидели друг напротив друга и беседовали о греховном.

– «И возлегли они на ложе любви, и познал он её», – шептала я.

– А хочешь, я тебя научу спирт разводить? – застенчиво спросил Запаскин. – Химичка его под замок прячет, только она не знает, что у её стола крышка снимается.

Он перелил ворованный спирт в колбы. Его локоть касался моего локтя, а левый ботинок наступал на мою туфлю. Но я ничего не замечала – сердце билось, руки тряслись.

Мы отсалютовали колбами великим химикам на стене.

«Я его соблазнила! – пронеслось у меня в голове. – Он специально предложил мне выпить для храбрости».

Его лицо покачивалось в опасной близости. О, этот высокий лоб, эти чуть наметившиеся усики, эта длинная чёлка...

Запаскин почему-то медлил. Видимо, ему нужен был внешний толчок.

– Чего ты хочешь больше всего на свете? – тихо спросила я.

Он медленно прикрыл глаза.

– Честно?

– Честно.

– Стать моряком.

В ту ночь я его так и не познала.

Сначала Запаскин рассказывал мне про море, потом блевал в химичкину раковину, а потом пришёл сторож и сказал, что напишет на нас докладную.

23. Про пионерлагерь

О, вот ещё что вспомнила! Надо написать про моё пионерское детство.

Раздолбанные автобусы завезли нас на территорию лагеря.

– Портянко Вера – первый отряд! – начали выкрикивать вожатые. – Кружкин Миша – седьмой отряд!

Разобравшись, кому куда, мы понеслись к корпусам, стараясь занять тумбочки получше.

– Постели застелить! Чемоданы сдать в камеру хранения! Все выходим на общий сбор отряда!

Сбор назначили на лавочках у входа. Мы крутили головами, вычисляя будущих друзей и врагов.

Охрипшая за день вожатая зачитала лагерные правила:

– Все пионеры участвуют в общественных мероприятиях. В 7:30 зарядка... Каждую субботу – уборка территории. Выходим все без исключений.

– Да знаем, знаем... Не в первый раз приехали. Когда обедать пойдём?

– После того как придумаем название нашему отряду.

Мы затрясли поднятыми руками – вожатая нам очень нравилась, и мы хотели произвести на неё впечатление.

– «Орлёнок»! Наш девиз: «Сегодня – орлёнок, а завтра – орёл, мы верная смена твоя, комсомол!»

– «Дружба»! «Миру – мир, войны не нужно – вот девиз отряда „Дружба“!»

– «Чебурашка»! «Чебурашка – наш герой, за него стоим горой!»

«Чебурашка» всем понравился, но этот вариант был отвергнут воспитательницей.

– Что вы, детсадовцы, что ли? Вы бы ещё «Погремушками» назвались.

– А давайте назовем «Чегевашки», – предложила я. – Ну или «Чегеварщики». А девиз будет «Че Гевара – наш герой...»

Че Гевару воспитательница одобрила, но решила, что «Чегеварцы» будет звучать приличнее.

Утренняя линейка. Зевающие пионеры выстраивались перед трибуной. Вразнобой долбили барабаны.

– Лаге-е-ерь! Стой, раз-два!

Начальник Василь Василич – взъерошенный, замученный похмельным синдромом мужичок – махал на нас руками: «Давайте быстрее!» По утрам у него вечно трещала башка.

– Товарищ председатель совета дружины! Отря-я-яд...

– Че-ва-ва-ва!

– К утренней линейке готов! Наш девиз...

– Че-ва-ва-ва-ва-ва-ва!

Серьезная девочка-председатель сказала «вольно», и мы расслабились.

На трибуну взойшёл гроза наших тумбочек – лагерный врач Виктор Палыч, именуемый в народе Интерполыч.

– У второго отряда опять проблемы с койками. Я вчера прошёлся по корпусу – сплошная неаккуратность! У койки в первой палате вместо головы – ноги! Как вам это нравится?

Пристыжённые, мы молчали. Тишина стояла такая, что было слышно, как за трибуной чесалась бездомная колли по кличке Моя.

Интерполыч поднял над головой облезлого пупса с западающим глазом.

– Кукла Юля-Чистюля переходит седьмому отряду!

В седьмом – ликование, во втором, нашем, – скорбные вздохи.

– Кто спит в первой палате? – шипела воспитательница. – А ещё девочки, будущие матери!

Я незаметно отступила за спины товарищей.

Вадька Солнцев – лучший друг и соратник – нагнулся к моему уху:

– Ну что, идём сегодня Мою дрессировать?

– Идём. Мне Матвеев булку с маслом в дурака проиграл. Ты выходи после завтрака и стой под окном, я тебе скину.

Интерполыч строго следил, чтобы пионеры ничего не выносили из столовой: он боялся, что у нас в палатах заведутся крысы (хоть мы не возражали). Тем не менее контрабанда процветала. Ловля рыбы, вызывание гномиков, карточная игра – всё это делалось «на хлеб».

Мы с Солнцевым особо нуждались в хлебе – мы надеялись с его помощью приучить Мою убирать за нас территорию.

Во время «Весёлых стартов» я заманила её за трансформаторную будку, украшенную плакатами «Не влезай – убьёт!» и «Пионер растёт смелым».

Моя влюблённо смотрела на бутерброд.

– Видишь пустую бутылку? Неси её сюда!

Глаза Моей светились преданностью и полным непониманием.

– Фас бутылку! А я тебе хлеба с маслом дам!

– Моя, ты дура! – кипятился Солнцев. – Тебе русским языком говорят: фас!

Ни уговоры, ни угрозы не помогали: Моя соглашалась приносить только палки, которые мы сами же ей и кидали.

После обеда был скандал. Василь Василич носился, как казнокрад перед проверкой, орал на вожатых, но причину гнева не объяснял.

– Всех повыгоняю! На секунду отвернуться нельзя!

Что случилось – мы узнали, вернувшись к корпусу. У крыльца, виляя хвостом, сидела Моя, а рядом валялась поллитровка, только что привезённая Василичем из сельпо.

Перед родительским днём нас погнали на сбор лекарственных трав. Это называлось «трудо-вой десант».

– Все организовано выходим на мать-и-мачеху! – кричали воспитательницы фельдфебельскими голосами.

Интерполыч бегал между отрядами и проверял наличие головных уборов. Моя восторженно носилась за ним.

Солнце в небе, пот на лбу, скука в сердце. По зелёному склону, как жуки, ползли пионеры.

– Кто сдаст меньше всех травы, того не отпустим на родительский день! – подбадривало нас руководство.

Мы знали, что это враньё, но нам всё равно было страшно. Родительский день для пионера – всё равно что побывка для фронтовика.

– О, бурёнка! – заорал Солнцев.

Со стороны дороги на поле забрела одинокая корова. У неё были большие глупые глаза и шкура, похожая на чёрно-белую карту. Забыв обо всём на свете, мы ринулись к ней.

– Назад! Она кусается! – Интерполыч метался, растопырив руки, но мы обходили его с флангов.

Мы любим коров! Нам нужно срочно погладить это прекрасное животное! Мы хотим отдать ей нашу мать-и-мачеху!

Корова несколько секунд смотрела на нас, а потом бросилась наутёк. За ней, скуля и повизгивая, понеслись Моя и пионеры. Следом – воющее начальство.

Мы не зря играли в «Зарницу». По всем правилам военного искусства мы взяли корову в тиски и прижали к реке. Спасаясь от нас, она запрыгнула на стоящий на берегу трактор и замычала, вызывая подмогу.

– Ах вы, нехристи! – Почтальонша Анфиса бежала к нам, размахивая хворостиной.

– За что?! – только и успел охнуть Интерполыч, сражённый наповал.

Подхватив ситцевую юбку, Анфиса вскарабкалась на трактор.

– Никому в город звонить не дам!

Атака тут же захлебнулась. Анфисин телефон был единственным средством связи с Большой Землёй.

Родительский день. Всех моих подружек давно разобрали, и я одна осталась сидеть на воротах при въезде на территорию. Как выяснилось потом, папа забыл, в какой лагерь сдал ребёнка, и приехал совсем не туда.

Ко мне подошёл Стас Сундуков, вожатый четвёртого отряда.

– А ты что, интернатская?

Я оценивающе посмотрела на него. Ого: девятнадцать лет, майка с иностранным словом и кеды сорок третьего размера. Стасик был очень интересным молодым человеком.

Я тоже не была девочкой-ромашкой. Я уже два раза ходила на кино «до шестнадцати», и мне разрешали гулять до десяти.

Видит Бог, я не хотела изменять Запаскину, но у меня не было выбора. По ночам все девчонки в нашей палате рассказывали про своих пацанов: Ольга ждала парня из армии, Светка переписывалась с кубинцем, а Нонка вообще была целованная. Я же, как дура, притворялась, что сплю.

– Я не интернатская, – гордо отозвалась я. – Просто у меня дел по горло. Мне некогда с родителями шастать.

Стасик стоял и задумчиво плевал на землю. «Интересуется!» – пронеслось у меня в голове, и я принялась развивать успех.

– Меня в редколлегию назначили – велели к концу смены открытки нарисовать для всех сотрудников.

Вообще-то редколлегией у нас была Нонка, но Стасик не стал бы это проверять.

Он лениво пнул створку ворот, и я со скрипом уехала в сторону. «Он меня катает!»

Некоторое время мы молчали.

– Тебе лет-то сколько? – спросил наконец Стас.

Я улыбнулась, как учила Нонна.

– Пятнадцать.

– Сегодня вечером танцы в клубе будут. Небось, придёшь?

– Ага! А ты?

– Ну и я пойду.

– Нонка! – Я чуть не плакала от счастья. – Меня Стасик на танцы пригласил!

– Как?!

Получив необходимые советы, я помчалась договариваться насчёт гардероба.

Нонкина ярко-розовая кофта, Светкина юбка в полоску, Валькины туфли почти на каблуках... Стрелки на глазах наводили всей палатой – цветными карандашами из запасов редколлегии.

На танцплощадке гремела музыка. Малышня носилась вокруг, нарушая нам всю «атмосферу».

С бьющимся сердцем я протолкнулась внутрь круга и сделала несколько изящных взмахов руками. Стасика нигде не было видно.

– Он на сцене! – прокричала мне на ухо Нонка.

Я обернулась: моё счастье сидело на ступеньках и курило. Носы его тапочек были протёрты, из них торчали салатовые носки.

Я набрала в лёгкие воздуха и пошла навстречу судьбе.

– Привет!

Стасик оглядел меня.

– Ты чего руками-то махала? Комары зажрали?

Я не сразу сообразила, что это он о моих эротических па.

– Ага, – обречённо соврала я. Танцевать я никогда не умела. Это мой крест ещё с детского сада – меня даже в снежинки под Новый год не брали.

– На, затянись! – Стасик великодушно передал мне окурок. – Сигареты – первое средство от комаров.

Мы сидели на виду у всего лагеря и курили один бычок на двоих. И никто нам ничего не сказал.

На следующий день на асфальте перед столовкой кто-то написал: «Сундуков + Теньшова = любовь».

Я гордилась этим до конца смены, а на прощальном костре преподнесла Стасику открытку – срисованных с книжки Муху-Цокотуху и Комарика с надписью: «Никто не забыт. Ничто не забыто. Лагерь им. Зои Космодемьянской».

24. Про моих виртуальных друзей

Раньше я была книжным червём, а теперь стала интернетовским: целыми днями брожу по соцсетям. Это как семечки: раз начнёшь – потом не оторвёшься.

Мы со Сбышкой никогда не виделись вживую, но уже несколько лет следим друг за другом в Сети. Сбышек – буржуй постперестроечного разлива. На чём делает деньги – непонятно. Живёт себе в Сибири хозяином тайги: усадьба, дворня, псарня, все дела.

Сбышек – талант: я каждый раз ухаживаюсь над его рассказами о миллионерском житье-бытье. И в то же время с ним невозможно разговаривать, когда речь заходит о политике: что бы в мире ни происходило, у него во всём виновата «закулиса». Сбышек искренне верит, что Запад хочет развалить Россию и что в этом заключается смысл существования Америки. Классика жанра: США загнивают, их ждёт неминуемый крах, все американцы толстые и тупые (хотя это не мешает им «езде хозяйничать»).

Разубеждать его бесполезно.

– Ну приезжай в гости, посмотри, пообщайся с людьми! – кипячусь я.

Но Сбышек и не думает поддаваться.

– Ага. Чтобы меня стошнило прямо в аэропорту.

Так и дружим, считая друг друга фанатиками и жертвами пропаганды.

Сегодня забрела в его дневник: Сбышек сделал ремонт в ванной и повесил фотографии – похвастаться. Написал, что съёмку организовали журналисты из какого-то издания по интернетам.

В пустой белокаменной ванне сидела голая модель: обе подчёркивали красоту друг друга. Та же участь постигла унитаз и душевую. Я минут десять разглядывала девицу – исключительно хороша!

А вот у меня нет ни одной голой фотографии. Раньше стеснялась фотографироваться, а сейчас стесняюсь показываться.

Если бы двадцать лет назад у меня были интернет и голова на плечах, я бы обязательно снялась голой и выставила снимки в Сети. На следующий день проснулась бы звездой.

И никакой Нобелевской премии не надо.

25. Про мою конкурентку

Светкина красота не была идеальной – у неё нижние зубы были чуть кривоваты, да и ногти на руках некрасивые. И всё же, всё же, всё же...

Пышные кудрявые волосы, узкая спина, грудь, едва вмещавшаяся на тонком, будто щепочка, теле, – Светка была зримым символом красивой жизни. Помню, как она явилась ко мне в гости: белые носочки, белые шортики и ярко-синяя майка, подчёркивающая божественную грудь.

Хотелось быть такой, как она. Хотелось и колосось. И постоянно тянуло помериться с ней силами.

В первый раз мы схлестнулись, когда наш 10-й класс направили на картошку. В автобусе, не сговариваясь, мы подсели к херувимчику Запаскину, сжали его с двух сторон и наперебой замурыкали.

У Светки было больше самоуверенности, у меня – воли к победе. Запаскин достался мне. Но, пока я целовалась с херувимчиком, Светку позвали к себе охотники из Внешторга (у них там неподалёку были дачи). Они освободили её от полевых работ и каждый день катали на машине.

Вечером, собравшись у умывальников, девушки обсуждали Светкины похождения. Ахали, таращили глаза и неизменно выносили вердикт: «гулящая».

Мы со Светкой презирали друг друга. Она меня – за исторический роман, который я писала с 15-ти лет. Я её – за откровенное желание выезжать на других.

– Во-первых, твой роман никогда не издадут, – говорила Светка, угощая меня импортной жвачкой. – И даже если издадут, ты за него не получишь и рубля мелочью.

– А ты... ты просто... шлюха – вот кто!

– Куртизанка, – поправляла она. – Ты ведь с меня и списываешь героиню своего романа.

Пока мы с девчонками готовились поступать в вуз, Светка жила настоящей жизнью. В неё влюбился молодой человек из высокопоставленного семейства. У неё появились глянцевого каталоги «ОТТО» и французское бельё. Она прилетала из Сочи, мягко журила нас за «зря прожитую молодость» и вновь уносилась на Парнас.

Но вскоре случилось страшное. Светкиного хахалю посадили за растрату. Она поехала к нему в тюрьму, а её не пустили: «Ты кто? Жена? Нет? Ну и вали отсюда!» А у Светки любовь, верность и всё, что положено в романе...

Его освободили через несколько месяцев за помощь следствию.

– Сиди пока у матери, – сказал он Светке. – А мне нужно съездить кое-куда по делам. Потом я вернусь за тобой.

Но он не вернулся. Его нашли мёртвым на трассе Москва—Ленинград: вроде как он ехал на мотоцикле и не справился с управлением.

– Да он в жизни бы не сел на мотоцикл! – рыдала Светка. – Они это специально подстроили, чтобы повесить на него все долги!

Очередного жениха она искала в кафе «Лабиринт». Садилась за столик, заказывала чаю и ждала. К ней подходили – она оценивала: этот, не этот, нет, нет, нет...

Однажды к ней подсели двое.

– Ну, кого из нас выберешь?

Светка указала на Андрея, молодого плечистого директора овощебазы. Через день она переехала к нему жить, а через несколько месяцев позвала к себе всех подружек – справлять день рождения. Там я впервые попробовала кокос и посмотрела мультфильм по видеоклипу.

Ещё через шесть месяцев Света родила дочку, и тут у них с Андреем начались разногласия. Воспитанный в крепкой деревенской семье, он был уверен, что жена должна смотреть за дитём, стирать пелёнки и разводить кашку «Малыш». Света была уверена, что с «Малышом» может справиться и няня. Дело кончилось банально: криками, звоном посуды и вызовом милиции («Там, кажется, кого-то бьют!»).

Потом я надолго потеряла Светку из виду. Общие знакомые рассказывали, что у неё всё хорошо с личной жизнью (начальник железнодорожной станции, начальник отдела снабжения завода...). А сегодня я наткнулась на Светкин дневник в интернете: она выглядит на десять лет старше своего возраста, увлекается оккультизмом и зарабатывает на жизнь продажей каких-то травок для заварки вместо чая.

26. Мой день рождения

Сочинила себе стишок на день рождения:

Я желаю себе одного:
На губах чтоб моих молоко
Никогда б не обсохло.
Чтобы Муза не дохла,
Чтоб писалось легко,
Продавалось бы ловко,
И у Кевина чтоб моего
Не пропала мужская сноровка.

Оглядываясь назад, я думаю, что мне надо было родиться блондинкой. Блондинкам хорошо: их мужики любят, и им ноги можно брить раз в неделю.

Ещё надо было пойти не в литературные агенты, а в артистки. Страсть к сценическому успеху у меня появилась ещё в детстве, во время отдыха в крымском санатории.

На концерт самодеятельности я записалась читать стихи. Конферансье вывел меня на ярко освещённую сцену.

– Сейчас эта милая девочка прочтёт нам стишок Есенина, – сообщил он переполненному залу.

Я нервно сглотнула.

– Ой, я начало забыла...

– Ну, давай откуда помнишь.

Я простёрла руку к зрителям.

– Шум и гам в этом логове жутком,
И всю ночь напролёт до зари

Я читаю стихи проституткам...

Это был успех! До конца смены отдыхающие провожали меня взглядами и называли «та самая артистка».

Ещё надо было побольше заниматься развратом. Недавно одна мадам прислала мне рукопись – я аж обзавидовалась главной героине: «Лиза и ахнуть не успела, как ощутила себя пронзённой чуть ли не насквозь. Граф крепко держал её за бедра, направляя и в то же время не позволяя „сорваться с крючка“». Куда Лиза ни придёт – везде за какой-нибудь «крючок» зацепится. Вот это жизнь!

А ещё мне давно пора сесть на здоровую диету: чтоб никаких пирожных, никаких стейков. Салат, капуста, яблочко – это всё, что мне нужно для полного счастья.

Поделилась мечтами с Мелиссой: блондинистость, сцена, секс, вегетарианское меню...

– Тебе надо было родиться белым кроликом и жить в шляпе у фокусника, – сказала она.

27. Моя первая работа

– Денег проводники зарабатывают во сколько! – сказал второгодник Ерёмин и сделал жест рыбака, описывающего добычу.

Мы, желторотые первокурсники, слушали его, онемев от уважения. Среди нашей тощей, очкастой стаи Еремин смотрелся как танк среди велосипедов, и мы не могли не верить ему.

– А где, ты говоришь, в проводники записывают? – не утерпела я.

Еремин поворотил сытый взгляд, вынул из моей руки сигарету и затушил её в пепельнице.

– А тебе, деточка, я не рекомендую работать по этой специальности.

Но нужный адресок дал.

Оказалось, что железная дорога охотно нанимала студентов на лето. Направление на поезд нужно было получить в узком, как амбразура, окошке: жирная рука на несколько минут забирала паспорт, и, если среди страниц обнаруживалась двадцатипятирублевка, проводника ставили на юга; если червонец – на «хлебный» Хабаровск, а за справку из студенческой поликлиники слали матом в неперспективный Северодвинск.

– Дурища, – ласково пробасила моя напарница тётя Валя, весёлая богиня пассажирских перевозок. – Слушай сюда, щас я тебе повышение квалификации сделаю.

Под стук колёс и бульканье водки я познала все секреты проводнического ремесла. Тётя Валя была человеком добрым и словоохотливым и, если ей давали вовремя опохмелиться, не утаивала ничего.

– Лучше всего в Грузию ездить, – говорила она. – Там, как абрикосы поспеют, в кассах тут же кончаются билеты – ну, чтоб не ездил, кто не надо, и ценные места в вагонах не занимал. Припрут мне, бывало, сто ящиков с абрикосами, заставят все полки и денег насуют – чтоб я довольная была. А к ящикам у них завсегда грузин прилагался – и тоже, понимаешь, с деньгами для чистосердечной благодарности. Начальник поезда идёт – ему даст; ревизор идёт – ему; милиционер заглянет – и ему спасибо скажут. Такой уж грузины хороший народ.

У тётки Вали не сложились отношения с окошком-амбразурой, и её лишили абрикосовых привилегий. Но и по пути в Северодвинск мы умудрялись зарабатывать немалые деньги. Главным источником дохода были «зайцы» – с билетами была напряжёнка не только в Грузии.

Если в поезд заходили ревизоры, один из проводников оставался заговаривать им зубы, а второй бежал в соседний вагон предупреждать коллег. Сигнал тревоги распространялся, как огонь по сухостю. «Зайцев» в спешном порядке прятали: кого в туалетах запирали, кого отправляли в вагон-ресторан, а кому за небольшую денежку продавали использованные билеты с прошлого рейса.

Впрочем, если «зайца» ловили, особой беды не было. Совесть ревизора мгновенно усыплялась либо водкой, либо взяткой.

Ещё одним источником дохода были бутылки: иногда с вагона собиралось по 10 мешков. На конечной станции к перрону подъезжали тёмные личности и, загрузив стеклотару в машину, отсчитывали нам мятые, пахнущие пивом рубли. В приёмных пунктах бутылка шла по двадцать копеек, а тёмные личности платили нам по пятнадцать. И все были довольны.

Сахар, который проводники выдавали пассажирам, был фирменным, железнодорожным. Но при этом – сворованным непосредственно с завода и перепроданным нам за полцены. Обёртка на месте, качество то, что надо, – ни один ревизор не придерётся. То же самое было с чаем.

Если нам выпадал рейс на Дальний Восток, мы заставляли всё служебное купе яйцами. Половина тухла по дороге, но их всё равно брали нарасхват.

Но главная тайна проводницкой профессии была страшнее тухлых яиц. Дело в том, что постельное бельё нам выдавали по количеству койко-мест. А ведь кто-то сходил раньше, кто-то подсаживался позже.

Откровение мне было во время первого рейса на Север.

– Тётъ Валь, пассажиры спать хотят – бельё требуют, – сообщила я, влетая в служебное купе.

– Щас, щас...

Вытерев сладкие губы, тётя Валя нагнулась над мешком с использованным бельем и вытащила комок грязных простыней.

– Делай как я.

Она разложила простыни на сидении и стала разглаживать их мокрой тряпкой.

Я с ужасом смотрела, как тётя Валя складывает влажное бельё, придавая ему приблизительно товарный вид.

– Теперь приглуши свет в вагоне, чтоб никто ничего не заметил, – сказала тётя Валя и, подняв стопку «чистых» простыней, вышла в коридор.

Я была уверена, что её сейчас побьют.

– Но ведь они же заметят, что бельё сырое!

– А мы скажем, что у нас сушилка в прачечной сломалась.

В рейсах на Украину и на Север некоторые комплекты белья использовались по три раза. В рейсах на Дальний Восток – бывало, и по четыре. И никто НИ РАЗУ не возмутился.

Раздав бельё и окончательно погасив свет в вагоне, тётя Валя доставала очередную бутылку и выпивала за крепкие нервы советского народа.

28. Женщина с большой буквы «Ж»

Мелисса постоянно упрекает меня в том, что мои вещи не подходят друг к другу: туфли – к сумке, заковка – к носкам, лак – к клавиатуре...

– Ты не настоящая женщина, – говорит она мне. – В тебе нет страсти к гармонии.

А вот и есть! Сегодня я отыскала в шкафу чудную юбочку – тон в тон к моему синяку на ноге.

Весь день чувствовала себя Женщиной с большой буквы «Ж».

29. Мой первый настоящий роман

Доцент Пьющенко имел масляну головушку, шёлкову бородушку и антисоветский крестик на груди. Поговаривали, что дома у него есть абордажная сабля и настоящий индейский тотем. А ещё он знал наизусть всего Маяковского.

В университетском гардеробе пальто Пьющенко было объектом паломничества – студентки подкладывали в его карманы признания в любви и заговорённые локоны. Я ничего не подкладывала и только стояла на стрёме, пока Женя Кокина вдыхала ароматы пьющенковского воротника.

Она опускала в карман дефицитных «Мишек на севере» – как монетки в турникет метро: «Пусти!» Но Пьющенко не пускал. Загадочный и неприступный, он проходил мимо неё, клал портфель на кафедру и приступал к лекциям по истории КПСС.

У нас отменили последнюю пару, и я решила зайти за Кокиной на истфак. В коридорах было тихо, только вода где-то билась о раковину. Я приоткрыла дверь в аудиторию.

Пьющенко со своей бородкой был похож на мятежного кардинала.

– Единицы из вас выберут свободу: большинство предпочтёт стабильность. Быть свободным страшно: если оступишься – тебе некого винить, кроме себя. А если ты плывёшь по течению, то виноватыми всегда окажутся другие: не туда привели, не на то указали. По большому счёту стабильность – это сверхценность детского мира. Дети любят повторяющиеся ритуалы: перечитывать одни и те же книжки, смотреть одни и те же диафильмы. Взрослому же человеку (по-настоящему взрослому) свойственно искать самореализации – то есть перемен, и потому он не может без свободы. Иначе какая это будет *самореализация*, если кто-то принимает за него решения?

Я стояла, не смея шелохнуться. Воспари Пьющенко к портретам Маркса и Энгельса – я бы так не удивилась.

– Стабильность – это не когда у тебя все хорошо, а когда в твоей жизни ничего не меняется: ни в лучшую, ни в худшую сторону. Стабильность – это стоячая лужа, и вода в ней обязательно протухнет. Лично я всегда буду отстаивать свободу. Буду бороться за то, чтобы у меня было право самовыражаться, самореализовываться и расти над своей стабильностью.

С того дня я заболела. Пальто с котиковым воротником наполнилось для меня особым смыслом. Ночами я разрабатывала планы «самореализации», а днём обсуждала с Кокиной пьющенковские достоинства. Она не знала про мою тайную страсть и благодушно выдавала все явки и пароли: что он сказал, где бывал и кому поставил «неуд» на семинаре.

Как я жалела, что он ничего у нас не преподавал! Я могла бы написать ему поэтичный курсовик! Я могла бы выйти к доске в перешитой из шарфа мини-юбке. А ещё – ходить на все дополнительные занятия и отработки и бесконечно пересдавать экзамены.

Случай представился на новогоднем капустнике, где Пьющенко должен был играть Лешего, а я – Бабу-Ягу.

– Гримироваться идите в туалет, – велел нам художественный руководитель. – А то в гримёрке зеркало разбилось.

– В мужском лампочки нет, – отозвался Пьющенко.

– Так идите в женский.

Пьющенко стоял перед зеркалом и неумело красился – приоткрыв рот и вытаращив глаза.

– Слушай, помоги, а?

Обмирая, я коснулась его щеки. А потом вдруг прошептала:

– А вы – мне.

Пьющенко удивился.

– Так у меня плохо получится.

– Ничего. Я сегодня Баба-Яга.

Мы молча разрисовывали друг друга. И вдруг он взял и поцеловал меня. Какие-то девки сунулись в туалет и тут же вылетели, завизжав от страха. Не сговариваясь, мы посмотрели на себя в зеркало: две чёрные рожи со смазанными ртами и вздыбленными космами.

Вечерами мы бродили по заснеженному городу, где каждый фонарь был волшебным. Пьющенко рассказывал о Фоме Аквинском, физике ядра и русской национальной идее... Я начала писать стихи и отсылать их в журнал «Юность».

Чем больше я его слушала, тем сильнее мне хотелось замуж. Я представляла, как позелееет Кокина, узнав о нашей свадьбе. Последние страницы моих конспектов покрылись живописными каракулями – я тренировалась расписываться «Пьющенко».

Я ничего не понимала: теперь его устраивала стабильность. Ему было достаточно того, что мне 18 лет и я умею слушать, затаив дыхание. Пришлось снова браться за самореализацию.

Целую неделю я наговаривала на родную мать: мол, сторожит, блюдёт и, если что, – убьёт. Пьющенко деликатно сочувствовал.

– Мама всё про нас знает! – заявила я. – Она нашла мой календарик с месячными.

– Что? – не понял Пьющенко.

– Ну, календарик... Там отмечено, когда нам можно, а когда нельзя.

– Знаешь, – наконец вымолвил он, – пожалуй, я завтра не смогу к вам прийти. Нам нельзя травмировать маму.

Он всё чаще ссылался на дела. В моих стихах вместо восклицательных стали появляться вопросительные знаки.

– Как говорил Шопенгауэр, кто не любит одиночества, тот не любит свободы, – говорил он.

Я злилась.

– Как писал Гребенников, трус не играет в хоккей.

За меня отомстили влюблённые студентки: кто-то доложил наверх о пьющенкоовских вольностях, и его вычистили из партии. А когда он начал бегать по инстанциям, ему стало совсем некогда.

30. Мои реинкарнации

На очередном сеансе психоанализа Арни спросил, что сыграло в моей жизни самую важную роль.

– Эмиграция? Любовь? Дружба?

– Книги.

После института мама заходила в детскую библиотеку и набирала мне чтива на неделю. А я ждала её, как беженец – гуманитарной помощи. Когда она возвращалась, я вываливала книги на кровать, дрожа от предвкушения. Это было такое счастье – иметь что читать!

Как религиозный фанатик вычисляет единоверцев, так я вычисляю книголюбцев. Не любых: бывают люди, которые накачивают себя невероятной дрянью. Мои единоверцы – это те, кому скучно жить в одном и том же мире. Кевин – как раз такой.

Встречаясь, мы говорим о книгах и всевозможных вкусностях, найденных тут и там. Наше любимое развлечение – переворачивать себе сознание.

Сегодня мы поехали на океан – бродить по песку и смотреть на корабли. Сев в машину, Кевин включил очередную аудиокнигу.

– Реинкарнация – всё-таки не миф, – сказал он. – И телепортация тоже. Нужно только уметь читать книги. Или на худой конец слушать.

Мы мчались по 405-му фрэйвэю, меняли линии, томились в трафике, но наши глаза ничего не видели.

Избы, огороды с репою... Мужики – в поле, бабы – по домам. И вдруг крик: «Половцы!»

Похватав детей, мы бежим в городище, за стены. Сердца бьются, в глазах туман. Отобьёмся? Нет?

Их туча – в лисьих шапках, на низкорослых коньках. Они несутся на нас лавиной, с визгом и воем. Ударившись о стены, откатываются. Летят стрелы, копыя... Кто-то валится рядом, убитый.

Отобьёмся? Нет? Если половцы прорвутся в городище, всех порешат: полоснут клинком по горлу и дальше поскачут – грабить.

И нет ни правых, ни виноватых. Если отобьёмся, мы сами на них пойдём по весне. Они знатную добычу с прошлого похода привезли, и у женщин их – золотые монисты...

31. Мой первый муж

Мой первый супруг, Димочка Кегельбан, возник на горизонте, когда я ела сосиску в студенческой столовке.

– Холодная? – спросил он, окинув меня взглядом.

– Страстная! – отозвалась я.

Компот мы допивали вместе. Димочка вылавливал из стакана курагу и рассказывал приличные анекдоты. Я волновалась. Мальчик был высоким и почти красивым. Особенно мне нравились губы – такими только малину кушать и девушек развращать.

Димочка подвернулся мне очень кстати. Доцент Пьющенко уже не грел сердца – из-за партийных неурядиц он сделался криклив и зануден, как вокзальная уборщица. А Кегельбан явно обладал жизнерадостным характером и страстью к дешёвому выпендрежу. Мы с ним были два сапога пара.

Его мама – дама с внешностью семитской царицы – не знала, то ли радоваться моему появлению, то ли огорчаться. Из-за меня Димочка полюбил ходить в университет – чего раньше не наблюдалось, – из-за меня же начал пропускать семейные торжества и невнимательно слушать взрослых.

Отношения у нас были бурными. Мы ссорились так, что мама каждый раз надеялась, что ВСЁ. Но царапины на Димкином лице заживали, мои штаны зашивались, и всё начиналось по новой.

Мама смирилась со мной и помогла мне устроиться на работу – в редакцию «Вечернего вагонника». Глядя на меня, Димочка тоже начал трудиться – сторожем. Ему претило кому-либо подчиняться, а сразу в начальники его не брали. К тому же в те времена сторожа с высшим образованием были в почёте.

– Вольнодумец и диссидент! – говорили о нём знакомые.

– Лентяй и балбес! – кипятилась мама.

Моё сердце тоже томилось. Кегельбану было абсолютно наплевать на профсоюзные путёвки и продуктовые наборы с майонезом, а биться за квартиру он и вовсе не собирался.

По вечерам Димочка замирал перед телевизором и ждал счастья. И счастье на него свалилось: по таинственным еврейским каналам его мама раздобыла приглашение в Америку. Кегельбаны принялись лихорадочно собираться.

– А я без моей девушки не поеду, – заявил Димочка.

Мама схватила за голову.

– Неужели тебе мало меня и папы?

– Мало!

Я была польщена. Не то чтобы мне хотелось эмигрировать (про Америку я знала только то, что она всё время загнивает), просто я впервые столкнулась с любовью, перед которой была бессильна даже мама-локомотив.

– Хочешь замуж за ленивого, вредного, скандального еврея с чувством юмора и видами на выезд? – спросил Димочка.

– А как же мои? – выдохнула я. – Папа всю жизнь ненавидел Америку.

– Пусть теперь Гондурас ненавидит.

Родители восприняли новость о моём браке и отъезде как конец света.

– Видеть тебя больше не желаю! – вопил папа и бил кулаком по столу.

Но я уже закусила удила. Мне мерещились Нью-Йорк – город контрастов, Жёлтый Дьявол, Белый Клык и Хижина дяди Тома.

– Там ведь одна безработица! – причитала мама. – Что ты будешь делать в этой Америке?

– Мы с Кегельбаном будем любить друг друга, – гордо ответила я.

Как оказалось, любовь побеждает всё, кроме счетов за квартиру.

Еврейские знакомые снабдили Димочку работой в фирме, занимающейся спецоптикой: он должен был выгравировывать на объективах слова «Made in USA». Димочка тосковал, покупал на всю зарплату пластинки и проклинал капитализм. Я работала на трёх работах и проклинала его.

– Кегельбан, либо ты встаёшь на ноги и начинаешь процветать, либо ты валишь из моей квартиры!

Димочка обижался и уходил в ночь. Я тряслась от любви и ненависти.

Однажды он привёл с собой нежное черноокое создание с родинкой на щеке. Нет, не девочку. Мальчика.

Мы сразу друг другу не понравились. Мальчик тяжело ревновал и доказывал мне, что я не понимаю Димочкиной глубины. Я огрызалась.

Через полгода Кегельбан был спущен с лестницы вместе с другом и сворованными с работы объективами.

Сменив множество друзей и домов, он прибил к содержателю арт-галереи и остался скрашивать его досуг. Сейчас владеет половиной предприятия и делает вид, что чутко разбирается в искусстве.

Помню, как я встретила его на книжной ярмарке в Лос-Анджелесе. Смотрела и не могла понять, почему он чужой. Не как раньше – с надрывом и болью, а просто так: чужой, неинтересный, ненужный.

Димочка ни о чём меня не расспрашивал. Пытался хвастаться: «У моего друга крутой бассейн, и мне там разрешают купаться... У него целая вилла, и я там иногда живу...» Он совершенно искренне гордился тем, что подбирал объёдки с чужого стола.

Я потом долго думала о нем. Некрасивый. И футболка дурацкая, и серёжка в ухе... А ведь когда-то я это так любила! Всё то же самое!

Не постигаю.

32. Мёртвые души

Есть такая профессия: изо дня в день, из года в год делать людей несчастными. Это не надзиратели тюрем и не преступники – это скромные клерки, работающие в американском посольстве в Москве. У них есть инструкция: расценивать каждого человека как потенциального иммигранта, – и потому они отказывают в визах почти всем.

За пуленепробиваемым стеклом, как в аквариуме, сидит рыба и решает, поедет отец к дочери или нет; нужно человеку навестить подругу или не нужно; стоит бизнесмену заводить связи в Америке или нет.

Не помогают ни уговоры, ни документы, ни объяснения: клерк смотрит на просителя рыбьим взглядом и ставит в паспорт штамп об отказе.

Многие посетительницы плачут: они пришли сюда потому, что им важна эта поездка – там, в Штатах, любимые люди, дети, внуки... В конце концов, там новый мир, на который хочется посмотреть.

Но рыбе всё равно: у неё есть указание, а это гораздо важнее чужих надежд.

Мама звонила: ей визу дали, а отцу – нет. Чтоб они, не приведи господи, не остались вместе в Америке.

Теперь мама целую неделю будет ненавидеть США – пока не приедет и не пройдёт по нашей улице. Она уже давно перезнакомилась с моими соседями. Розмари скажет ей: «Вы чудесно выглядите!» Дэн похвастается сыновьями: «Правда же, они выросли?» Саймон заведёт разговор о Петербурге – он только что оттуда вернулся.

Что у этой Америки общего с той, ненавидимой?

Впрочем, люди-рыбы водятся везде. Лёля, когда в прошлый раз ездила в Россию, тоже получила своё. На таможне ей заявили, что её виза оформлена неправильно. Продержали четыре часа в аэропорту, ограбили на 300 долларов – наличкой, себе в карман, разумеется...

Барбара говорит, что и у них в Мексике та же мерзость. Таможни, суды, полицейские участки... Сидит за стеклом рыба, у неё есть право решать твою судьбу. А у тебя – нет.

Каково это – каждый день выслушивать надрывное «Ну, пожалуйста!»? Ничего? Нормально потом по ночам спится?

Ладно, наплевать на них.

Очень хорошо, что мама приедет.

33. Моя первая настоящая работа

Моя должность в «Вечернем вагоннике» называлась величественно и красиво: «Техник третьей категории».

Стёртый до дыр линолеум, календари «Госстраха» на стенах, на подоконниках – консервные банки из-под горошка, в которых зеленел эппремунм золотистый.

В нашей конторе каждый день шла битва за заголовки: «В достигнутом успехе воплощён большой энтузиазм наших добросовестных колхозников»; «Советскому человеку глубоко чуждо нравственно убогое кривляние Мэрилин Монро».

Жизнь в «Вечернем вагоннике» была ключом. Зимой редакция проводила журналистское расследование на тему «Кто спёр электрокамин?», находила его у бухгалтера и со скандалом возвращала на место. Летом то же самое касалось вентилятора.

Технику третьей категории полагалось сидеть в одной комнате с корректорами – Мариной Петровной и Зиновием Семёновичем.

Зиновий был мал ростом и молод душой. На работу он не ездил, а бегал трусцой; под столом держал гирию и раз в месяц красил голову басмой.

– Вы теперь вылитый палестинец! – потешалась над ним Марина Петровна.

Зиновий искренне огорчался: он реставрировал кудри специально для неё.

Но Марине было мало кудрей. Она ценила в мужчинах широту души, а вот с этим у Зиновия Семёновича была напряжёнка. Он просто не мог покупать женщине мороженое (ведь она его съест, и ничего не останется!), чего уж говорить о розах и духах. Зато, когда в городе зацветала ничейная сирень, главный корректор был сама щедрость. Не скупился он и на домашние вкусности – когда они оставались после семейных банкетов.

Каждое подношение Зиновий обставлял с необычайной торжественностью.

– Сегодня у вас, девочки, праздник, – говорил он. – Я позавчера всю ночь фаршировал для вас яйца.

– А чего вы вчера ваши яйца не принесли? – спрашивала Марина. – Дома забыли?

Зиновий конфузился и спешно менял тему на перестройку и гласность.

Работа в газете дала мне многое: я научилась печатать со скоростью пулемёта, составлять кроссворды и мыть жирные тарелки в ледяной воде. Там же, в «Вечернем вагоннике», появился мой первый журналистский опус – статья под названием «Опалённые ленинизмом».

Главный редактор Валерий Валерьевич похвалил меня на планёрке:

– Какая у нас замечательная молодая поросль! Есть на кого оставить страну.

Я бы предпочла, чтобы на меня оставили литературу, но её уже забрал себе Валерий Валерьевич. Он состоял в Союзе писателей и частенько радовал нас поэмами о коммунизме.

Вскоре я обнаружила, что для карьерного роста мне необходима самая малость – обильное цитирование Валерия Валерьевича. Мои статьи всё чаще заменяли «Юмор» на последней полосе, а иногда залезали даже на «Спорт». Юмористы тихо меня ненавидели, но поделаться ничего не могли: главред считал, что «великие земляки» важнее анекдотов.

Валерий Валерьевич решил, что наконец-то нашёл искреннего почитателя своего таланта. Он начал оставлять меня после работы, звал к себе в кабинет и декламировал «из новенького».

Автором он был плодовитым. Вдохновение обычно снисходило на него после программы «Время». Насмотрится, бывало, на успехи руководства и тут же настроит:

Автозавод нам вручает страна —
Как эстафету!

Только смелость нужна,
Дерзость нужна,
Мир на всей планете!

Через несколько месяцев я не выдержала и уволилась. Но Валерий Валерьевич тут же раздобыл мой телефон.

– Приходи ко мне домой! – шептал он в трубку. – У меня жена на дачу укатила, так что нам никто не помешает.

Когда мы сели в самолёт, направляющийся в Нью-Йорк, Кегельбан сказал:

– Ты декабристка. Ты поехала за мной в ссылку на край света.

Я не стала уточнять, что в первую очередь я беженка, отчаянно ищущая политического убежища.

34. Как я приехала в Америку

До последнего момента я не верила, что долечу до Америки: всё думала, что нам либо пилот попадётся пьяный, либо ракетчик меткий. У Димочки тоже были плохие предчувствия. Мама сунула ему в рюкзак банку икры, и он боялся, что его арестуют за контрабанду.

Кегельбанские родственники встретили нас по высшему разряду: мы с кем-то обалдело целовались и рассказывали на ходу, «как там». Сердце колотилось, коленки тряслись.

Я всё никак не могла отойти от прохождения таможни. Посольство в Москве нагнало на нас такого страху, что мы ждали обыска до трусов. Но таможеннице не было до нас никакого дела: она лениво глянула в паспорта, сказала «Добро пожаловать!» и выкинула декларацию, не читая.

– Надо было больше икры брать! – стонал Димочка.

Заботу о нашем размещении взяла на себя Капа, бойкая старушенция в розовых брючках и кукольной шляпе с цветком.

– Я ваша двоюродная бабушка, – объявила она, – и теперь мы заживём одной семьёй.

Нас загрузили в огромную машину невиданной марки. Я смотрела в окошко: господи-ты-боже-мой! Население лишь отчасти белое. Азиаты, индусы, чёрные, мексиканцы, вообще не пойми кто – как на советских плакатах «Если дети всей Земли...».

Толстяки: в Союзе люди толстели салом; здесь – пышным жиром.

В небе – самолёты, вертолёты, дирижабли – стаями.

Инвалиды... Откуда их здесь столько?

Дороги!!!

Баба Капа выписала нас в Америку из-за подруги Аделаиды: та заявила ей, что одинокими в старости бывают только дураки и грешники.

– К тебе на похороны разве что могильщик придёт, – сказала она.

Капа расстроилась. Несколько недель она думала, кому из родственников доверить своё оплакивание, и конкурс выиграла Кегельбаны. Капа решила вывести их из советского рабства и тем самым обеспечить себе и место в раю, и толпу на похоронах.

Огромный автомобиль привёз нас в посёлок, застроенный бесконечными рядами домов.

– Я тут обычно летом живу, – сказала баба Капа, открывая застеклённую дверь. – А на зиму переезжаю в Лос-Анджелес, там теплее.

Под жильё нам выделили второй этаж, где мы тут же заблудились. Искали выход, дёргали двери, а там – кладовки. Полчаса гадали, как включается вода в ванной. Спросить стеснялись – баба Капа окончательно подавила нас своими шляпой, автомобилем и наличием телевизора в каждой комнате.

Воскресенье. Мне не спалось: смена часового пояса, неправильная прямоугольная подушка. По телику на всех каналах – религиозные проповеди. Всё по-английски. Всё не по-нашему.

Инстинктивно я относилась к Штатам как к чужой стране: тут чудеса, тут звери бродят... Теперь это была моя родина.

Дома у бабы Капы ещё можно было сидеть, но стоило высунуться наружу – и всё, беда. Здесь водители пропускали пешеходов, здесь люди улыбались чужим и спрашивали, как дела, – и на меня нападали немота и тихий ужас.

Цены не поддавались описанию. Если считать по реальному курсу доллара, то всё стоило в десятки раз дороже. Но никто на это не обращал внимания.

Продукты в магазинах были красивые, как на натюрмортах. Морковь – очищенная! Мясо – расфасованное! Хлеб – и тот порезан.

В овощном отделе я чувствовала себя первооткрывателем. Репа с рогами, какие-то стручки, корочки, венички... Всё измерялось в фунтах и дюймах. Разобраться в этом было невозможно.

Каждые выходные баба Капа возила нас по окрестностям. Мы громко восторгались, чтобы доставить ей удовольствие. Нью-Йорк нам действительно нравился: в этом городе чувствовался особый пульс, как на космодроме.

Русский район Брайтон-Бич казался здесь сиротой в гостях. В магазинах – те же советские тётки, в газетах – та же чушь, перевернутая с ног на голову. Мы с Кегельбаном всё смеялись над местными витринами: «Айскрим: Ванила & Карамел флавор». На кой чёрт писать по-русски английские слова?

Опять воскресенье. Мне осточертело сидеть дома, и я решилась на вылазку. Солнце, бесконечные особняки, цветы вдоль газонов... У соседа из клумбы росли две берёзки – тоненькие, жалкие какие-то... Как там мой «Вагонник» поживает? Как мама? Как сестра?

Улицы были пустынные; лишь изредка машина проносилась и исчезала за поворотом. Я бродила целый час, но так никуда и не дошла: кругом только домики, домики, домики... Не хватило терпения – повернула назад.

Двери везде стеклянные, замки условные – приходи кто хошь, бери что хошь.

Баба Капа нас не любила. Мы ржали по вечерам, а у неё – мигрень. Она звала батюшку освящать дом, а мы ему руку не целовали. Поп пел, мы приплясывали: у нас где музыка – там дискотека.

Мою свекровь Капа доводила тем, что выкидывала продукты. Груши полежат три дня – выбрасывает. А зачем брала? Мы в Союзе из-за них по пять часов в очереди давились.

Димочка просил у неё машину – не давала. Ругалась, что мы у неё на шее сидим, а сама на работу не пускала: за иждивенцев ей полагались налоговые льготы.

Однажды Аделаида сказала Капе:

– Они отправят тебя в дом престарелых. Все деньги заберут, а тебе ни цента не оставят.

Баба Капа начала на нас орать. Соседи шарахались от нас: она им говорила, что мы у неё по шкафам лазаем и ищем золото.

Через месяц мы с Димочкой переехали в Брайтон-Бич.

35. Про бабу Капу

Баба Капа родилась в 1900 году. Жила как все: стояла за керосином, ходила на танцы. Чтoб скопить на приданое, вышивала бирки «Собственность Николаевской Железной Дороги».

Но тут грянула революция, и Капина судьба враз переменялась.

Полковник Егорский, известный на весь фронт храбрец и кокаинист, разглядел Капу в кинематографе. Целый год они вместе спасали Россию, но потом Егорский плюнул на это дело и застрелился.

Капе срочно пришлось влюбиться в армянина Гогу. Гога, конечно, не мог сравниться с его высокоблагородием: он сморкался при дамах и передавал им вшей. Но зато он служил по интендантской части, и в его вещмешке всегда было сало.

Когда колчаковцы докатились до Тихого океана, Капа поняла, что на Гоге далеко не уедешь. И тут ей подвернулся Дональд, сержант союзнической американской армии. Красивый, беленький, как цветок-подснежник. Вскоре Капа перебралась в город Лонг-Бич, штат Калифорния. За время войны она так пропиталась боевым духом, что по инерции начала воевать со свекровью. Первой и единственной жертвой этих баталий стал Дональд: после очередной ссоры он выбежал из дома и попал под авто.

За рулем сидел видный голливудский актёр, и, чтобы избежать скандала, вдове оплатили не только гроб, но и моральные страдания.

На похоронах Капа встретилась с адвокатом ответчика.

– Староват он был для меня, – рассказывала она, – да молодые тогда все без денег ходили. А я нищенствовать не собиралась.

Великая Депрессия в Америке совпала с сухим законом: народ хотел с горя пить, а пить было нечего. Выпросив у нового бойфренда денег, Капа открыла кафе, в задних комнатах которого наливали виски. Сел за это адвокат. Срок ему впаляли приличный, и ждать его не имело смысла.

Следующий Капин муж, лётчик-истребитель, погиб в Нормандии. От него ей достались военная пенсия и компания по уборке мусора.

Воюя за подряд в муниципалитете, Капа познакомилась с владельцем конкурирующей фирмы – чернобровым красавцем Гектором, на двадцать лет её моложе. Они соединили усилия и сердца и стали королями мусорного бизнеса на побережье.

– Но этот был кобель! – хмурила брови Капа. – Я как-то зашла в офис, а он с секретаршей обнимается.

– И что? – спросила я.

– Ну что... Набила морды обоим.

После этого Гектора уже никто красавцем не называл.

На восьмом десятке Капа решила сменить веру с иудаизма на что-то более христианское. Она числилась прихожанкой у православных, у баптистов, у католиков и даже в Арабской объединённой церкви. Ее везде принимали с распростёртыми объятиями, ибо на счету у Капы скопилось три миллиона.

Но старушка не оправдывала людских ожиданий:

– Все, что я имею, мне дал Господь, – говорила она. – А подарки назад не возвращают.

Детей у Капы не было. Её завещание переделывалось, наверное, раз сто. По настроению в список наследников вписывались: Республиканская и Демократическая партии, зоопарк, Аделаида, Аделаидины дети, дети Капиных мужей, Кегельбаны, хор мальчиков, школа фигурного катания и даже я.

Капа умерла от воспаления лёгких в госпитале Святого Бенедикта. Прочитав старушкино завещание, я позвонила Кегельбану.

– Ты чего на Капины похороны не явился?

– Что я, идиот, что ли?

– Видать, да. Она завещала всё тем, кто пришёл.

Нас было двадцать человек. Я, могильщики, священник и куча докторов с супругами.

36. Про маму

Мама приехала! Каждый год, встречая её в аэропорту, я волнуюсь. Она стареет, и это видно, но какой-то особой, праздничной старостью. Деловой костюм, наимоднейшая стрижка, куча чемоданов... Завидев друг друга, мы кидаемся обниматься и плачем.

Как долетела? Как Лёля? Что у тебя с работой? Мы сыпем вопросами, на которые нельзя ответить здесь и сейчас.

Мы с мамой похожи, как шило и мыло, – ничего общего. Но как же нам уютно друг с другом – болтать, молчать, смотреть телик и шить куклам одежды. У нас всегда так: как только мама приезжает – мы берёмся за поделки.

Мама до сих пор велит мне «следить за осанкой». Она давно уже не в состоянии решить ни одну из моих проблем, но она всё равно над ними думает и предлагает: «А что, если тебе...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.